

The background of the cover is a detailed illustration of a cathedral's interior. A long, perspective view of a nave with high, pointed Gothic arches and a series of columns on the left. In the center, a figure wearing a long, flowing blue robe and a matching hooded cloak stands with their back to the viewer, looking towards a distant, brightly lit altar area. The lighting is dramatic, with strong highlights on the floor and the figure's robe, and deep shadows in the arches. Teal-colored leafy branches are overlaid on the dark background at the top and bottom corners.

ТИФЕН СИОВЕЛЬ

БРИСЕИДА

ЦИТАДЕЛЬ
ВРЕМЕНИ

Annotation

Семь избранных. Их миссия – раскрыть величайшую тайну в истории.

Они прибыли из разных эпох. И ничего не знают друг о друге. Одни были избраны богами для великого дела, другие попали сюда по ошибке. Их ждет путешествие, которое позволит им выйти за пределы фантазий. Но прежде Брисеида, самая юная из них, столкнется с настоящим кошмаром – Вечной Цитаделью – величайшей мастерицей иллюзий, где обитают существа, способные проникать в реальность из снов. Когда песочные часы перевернутся, а временные лестницы унесут героев в другие эпохи, Брисеиде придется поверить в легенды, чтобы выжить. Но как победить неуловимые темные силы, которые поклялись ее уничтожить?

Тифен Сиовель
Брисеида
Цитадель времени

Tiphaine Siovel
La Citadelle Intemporelle
Book 1. Briséis

Вечерний ветерок шепотом потревожил нежные зеленые листья столетнего дерева и растрепал темные волосы на макушке Сефаидона. Ослабив тетиву лука, херувим обернулся, чтобы рассмотреть своего спутника. Купидон, чьи светлые глаза были немного скрыты за круглыми розовыми щеками, нервно хлопал крыльями, постукивая пухлыми пальцами по ветке. Он тоже высматривал жертву, стиснув челюсти. Его веки припухли, а глаза покраснели от напряженного взгляда, направленного вниз.

Казалось, ни одно из человеческих лиц не было отмечено знаком страшной тайны... Однако придется выбирать. Вот-вот наступит нужный момент, и два херувима не имели права уйти без выстрела.

– Ну что, ты определился? В кого я стреляю?

Если бы у подножия дерева сидел какой-нибудь мечтатель и собирался задремать, то до него с высоких ветвей долетел бы гнусавый, яростный голос Сефаидона, похожий на неправдоподобный щебет тропической птицы. Но только мелодия ветра в ветвях достигала ушей бдительных прохожих, которые беззаботно прогуливались по парку в этот прекрасный весенний день.

Уверенно наложив стрелу обратно, Сефаидон увидел небольшую группу детей, пощиколотку увязших в песочнице и радостно играющих под присмотром родителей. Такие юные создания иногда ощущали их присутствие, поэтому лучше всего было оставаться скрытыми в густой листве клена. Их задача не становилась легче.

Херувим бросил взгляд на нескольких рекламщиков, идущих по соседней дорожке. Он посмотрел на высокого лысого мужчину с рыжей бородой, на бабушку, которая не сводила глаз со своих ног, и на молодую женщину, которая была на последнем сроке беременности. Неподходящие кандидаты.

Купидон, стоящий в напряжении из-за ожидания, крепче ухватился за засохшую кору дерева, и она рассыпалась между его пальцами. Все напряжение, заключенное в его маленьком теле, хлынуло наружу, как вода через прорвавшуюся дамбу:

– Это все твоя вина, Сефаидон! Именно ты потерял служебное предписание! Будь ты неладен, если мы выберемся отсюда невредимыми, клянусь, я убью тебя!

– Я виноват? – сказал взбешенный Сефаидон. – И это после того, как ты заставлял меня

прикрывать твои выходы?

– Почему я должен искать для тебя подходящую жертву? Это было твое служебное предписание, твоя ответственность!

Сефаидон позволил ветерку растрепать его перья, прежде чем ответить серьезным голосом:

– Мы – команда, Купидон, не забывай об этом. Если я упаду, ты тоже упадешь. Ты гораздо лучше меня умеешь распознавать кандидатов. Ты должен найти жертву. Или, может быть, ты предпочтешь, чтобы я пошел и рассказал им, почему потерял служебное...

– Тш-ш-ш-ш!

Купидон торопливым жестом заставил его замолчать, а затем указал пальцем на землю. Двое молодых людей держали за руки маленького мальчика, которому едва исполнилось пять лет, и раскачивали его туда-сюда под восторженные возгласы.

Купидон, сидя на своей ветке, задрожал, не сводя глаз со своей добычи.

– Я поймал тебя! – пробормотал он себе под нос, а затем добавил более громко: – Стреляй в маленького, давай! Сейчас, пока не поздно!

– В маленького? – повторил Сефаидон, недоумевая.

Купидон чуть не потерял остатки самообладания:

– Тебе нужна была жертва? Вот она! Не задавай вопросов, просто стреляй!

Влажные от пота пальцы Сефаидона сомкнулись на тетиве. Он поджал губы, поправил лук, прицелился в сердце своей жертвы и подождал, пока утихнет ветерок, прежде чем выстрелить.

Наклонившись к его уху, Купидон прошептал:

– Не промахнись, иначе я сломаю тебе крыло.

Сефаидон сосредоточился еще сильнее. Не то чтобы он боялся за свои крылья, они были очень крепкими. Но в словах Купидона отразилась гораздо более страшная угроза, нависшая над ними с начала времен, одной мысли о которой было достаточно, чтобы наполнить его ужасом...

– НЕТ! НЕ ТУДА!

Сефаидон испугался. Стрела выскочила. Сердце бешено колотилось, и он повернулся лицом к разгневанному Купидону:

– Но почему ты... – заговорил он.

– В МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА! – крикнул его спутник. – А НЕ В МАЛЫША!

– Но... – запнулся растерянный Сефаидон, – ты же говорил мне о маленьком! Если ты говоришь мне о маленьком, указывая на маленького и еще более маленького, то логичнее, что я буду целиться не в просто маленького, а в самого маленького, верно?

– Ах ты пернатый! – прорычал Купидон. – Мы практически уже со всем разобрались, а ты все портишь, потому что не знаешь разницы между маленьким человеком и ребенком! Тебе не поздоровится, Сефаидон, не поздоровится! И мне заодно...

Купидон перевел дыхание и присел на ветку, с которой слетел, охваченный раздражением. На его лбу выступили капельки пота.

– Полагаю, ты не знаешь, куда полетела стрела?

Заметив беспомощный взгляд Сефаидона, Купидон начал причитать так, как умеют только херувимы: он схватил кончик своего левого крыла и, поглаживая его по направлению роста перьев, со стоном описал свою судьбу:

– Мне конец, я пустое место... Я погружусь в ночь, буду падать вечно, и мое падение

будет так велико и ужасно, что я потеряю все свои перья, одно за другим... Когда они узнают, что мы сделали... Потому что туда мы и вернемся! – добавил он, заметив серьезное выражение лица Сефаидона.

– Прятаться абсурдно, но... скрывать правду – нет, – сказал он, нерешительно улыбаясь.

В его глазах блеснула надежда. Купидону это не понравилось. Он ерзал на ветке, чувствуя себя неловко.

– Что ты имеешь в виду?

– Им не обязательно знать, что произошло. Не все новички выживают...

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Конечно, понимаешь. Все, что нам нужно сделать, – это связаться с ним... пусть он все скроет...

Одним лихорадочным движением Купидон отщипнул одно из своих перьев и зажал его между зубами, после чего стал нервно покусывать.

– Не сработает, – шепчет он.

– Нет, сработает. У нас нет выбора, – ответил Сефаидон. – У нас нет выбора...

Черный у корня и седой на кончике волосок зашевелился. Он двигался, послушно вторя нервным движениям угловатого подбородка, на котором крепко держался. Его владелица, мадемуазель Пише, одетая в плохо пошитый костюм, замерла в ожидании. Она ждала ответа, который Брисеида не могла ей дать.

Весь день Брисеида искала подходящее объяснение, такое, которое удовлетворило бы суровый ум ее шестидесятилетней учительницы. Но, когда пожилая леди скрипнула каблуками, остановившись напротив шаткого стола в конце класса, Брисеида не смогла придумать, что сказать.

– Мадемуазель Ричетти?

Резко взмахнув рукой, Брисеида поставила стол на место, который ее подруга Аликс, высокая девушка-панк, чья голова была наполовину выбритой, продолжала нервно двигать. Ее взгляд переместился с волоска на толстые очки. Брисеида видела собственное отражение: каштановые кудри, ореховые глаза, мелкие веснушки на слишком бледном и круглом, по ее мнению, лице.

– Мадемуазель, у меня нет времени на ваши глупости, – резко добавила учительница.

– Это не глупости, – запротестовала Брисеида. – Я прекрасно осознаю, что делаю.

У Брисеиды перед глазами учительница потрясла анкетой. На листе бумаги размашисто перечислялся ряд специальностей: юриспруденция, медицина, литература, экономика и многие другие, сопровождаемые длинными кодами.

Брисеида снова обратила свое внимание на покрасневшее лицо мадемуазель Пише: у нее защемило сердце.

– В списке нет подходящего кода, – объяснила Брисеида, выпрямившись на своем стуле.

– Как это понимать?

– Что я собираюсь сделать со своей жизнью, невозможно расписать. Вы не можете наклеить на мою жизнь ярлык и не можете оценить ее.

– Нет? – с сарказмом произнесла учительница.

– Нет.

Брисеида скрестила руки на груди, чтобы придать себе больше уверенности. Она не подпишет ордер на собственный арест. Конечно, она понимала, что это всего лишь опрос со стороны школьной администрации. Это ни к чему ее не обязывало. Но разве ее свобода не начиналась со свободы самовыражения? Разве она не должна протестовать против такого систематического расклеивания ярлыков на будущие поколения?

Да, безусловно должна.

– А что вы собираетесь делать, когда окончите школу?

Брисеида потеряла дар речи. Страшный вопрос. Как только в разговоре поднимался этот вопрос, ее скудные аргументы всегда распадались.

Сморщенные губы мадемуазель Пише слегка скривились. Она начинала терять терпение.

– Хорошо! Послушайте, мадемуазель Ричетти, – взорвалась она, – если вы хотите быть бродягой, то это ваша проблема, но по крайней мере имейте уважение и не тратьте наше время. Только представьте, что было бы, если бы мне пришлось учитывать чувства более чем двух тысяч учеников!

По комнате прокатилась волна веселого ропота. Учительница снова повернулась к своей аудитории. Ученики подняли головы, их ручки повисли в воздухе.

– Не так уж это и сложно – поставить галочку! У вас был целый год, чтобы подумать о своем будущем. Через три месяца будет уже слишком поздно. Учтите, не только у вас большие амбиции: мой пятилетний внук сказал мне вчера, что хочет стать межзвездным пиратом. Я сомневаюсь, что он найдет подходящий код!

По классу пронеслась волна шепота, раздался смех. Брисеида резко встала. Она надеялась, что на нее снизойдет внезапное вдохновение, но смогла лишь, заикаясь, сквозь стиснутые зубы произнести слова:

– Старая дура.

Мадемуазель Пише обернулась. Аликс начала громко жевать свою жвачку, но учительница, сосредоточившись на Брисеиде, ничего не сказала. Медленно грудь мадемуазель Пише наполнялась воздухом, а вместе с ней и конфетно-розовый пузырь Аликс.

Наступило ровно пять часов. Прозвенел звонок. Брисеида вздрогнула, и ее стул, который шатко стоял на ножках, потому что она встала слишком быстро, с громким треском упал назад.

Учительница издала небольшой возглас удивления, Аликс икнула, и пузырь лопнул ей в лицо. Мадемуазель Пише возмущенно подняла палец, но шум спешащих к выходу учеников уже заглушил ее голос.

– Она принесет вам свою анкету завтра, я обещаю, – заверила Аликс учительницу, приняв важный вид и потянув подругу за рукав, увлекая ее в водоворот учащихся, выплывающих в коридор, прежде чем она успела вставить свои десять копеек.

– Ты бы видела ее лицо! – смеялась Брисеида, выбегая во двор. – Когда я назвала ее «старой душой», – расхохоталась она.

– Тебе следует быть с ней помягче, – улыбнулась Аликс, – она не создана для таких больших мечтателей, как ты, бедняжка. Такими темпами до конца года ее разорвет на куски.

– Ей нужно продержаться еще несколько месяцев. И в таком моем поведении тоже есть ее вина. Вот увидишь, она не намерена так просто сдаваться, уже завтра она возьмется за

старое!

– Все наладится, когда ты вернешь ей свою анкету.

– Ты шутишь? Разумеется, я не отдам ей анкету.

– Она отправит тебя к директору.

– Пусть попробует, и тогда я объясню ему, как эта дура...

– Что ты ему скажешь? – перебила Аликс, надевая свои черные варежки.

Брисеида остановилась.

– В чем дело? Что я такого сказала?

– Брисеида, не стоит идти к директору школы и просить его, чтобы он надрал уши учительнице. Так же как и не стоит идти к президенту и просить его изменить мир. Мадемуазель Пише права: ты живешь в волшебной сказке.

– Но... Может быть, я этого и хочу, просто жить в сказке...

Аликс закатила глаза.

– Чего? – воскликнула Брисеида. – Ты предпочитаешь, чтобы мой мир разбился и...

– Неужели ты не можешь хотя бы раз притвориться, что принадлежишь этому миру? Ты не любительница играть со своей жизнью, уж я-то знаю.

– Я лишь намекаю на то, что за пределами этого списка может быть что-то еще...

– Возможно, что-то другое, да. Волшебная сказка – нет. – Брисеида выдавила из себя недоверчивую улыбку: – Ты покрываешь свое тело татуировками, делаешь пирсинг, но злишься на меня за то, что я пытаюсь выйти за рамки общества?

– Не нужно валить все в одну кучу, Брисеида. Мои потребности исходят из серьезных идеологических принципов, которые соответствуют современному социокультурному окружению. Мой жизненный принцип хорошо обдуман.

– Но мне нужно время, чтобы подумать!

– До каких пор? Никто и никогда не смог обеспечить себе хорошее будущее, оставаясь в Стране чудес. Вылезай из своего кокона, старушка, я не всегда буду рядом, чтобы защитить тебя. Seriously, все, что тебе нужно, – это белый кролик!

– Но не...

– Выбирай для себя такую работу, которая тебя не напрягает и хорошо оплачивается, и тогда ты сможешь задать себе все вопросы, которые захочешь. Учеба – это долгий процесс, и ты не будешь вечно молодой. Все, что тебе нужно сделать, – это согласиться поступить куда-либо. Подумаешь, большое дело!

Прежде чем Брисеида успела ответить, Аликс полезла в сумку за анисовой палочкой. Она решила бросить курить несколько месяцев назад и каждый день сопротивлялась искушению выкурить хотя бы еще одну сигарету. Она притворилась, что зажигает кусочек дерева воображаемой зажигалкой, и с невозмутимым видом выпустила невидимый дым в лицо Брисеиды.

– Нужно пойти на компромисс, моя дорогая.

– Моя жизнь не будет состоять из компромиссов, – решительно ответила Брисеида.

И она повернулась на каблуках и зашагала прочь, спрятав ладони в рукава своего простого джемпера.

– У тебя не будет выбора, – сказала Аликс ей вслед. – Если ты хочешь выжить в этом мире, тебе придется адаптироваться!

Брисеида ускорила шаг. Ее пыльно-желтая сумка, висящая на плече, соприкасалась с джинсами при каждом шаге.

– Они ошибаются, а ты – нет, – повторила она про себя, вышагивая по асфальту.

В своей волшебной сказке она бы стала настоящей героиней. У нее был выбор. У нее *должен* быть выбор.

И все-таки...

Погруженная в свои мысли, она даже не заметила, как вошла в парк. Что может искать восемнадцатилетняя девушка? Мир не нуждался в ней. Брисеиде было бы гораздо легче спасти мир, чем вписаться в него. Ах, вот бы вырваться из скуки, которая с каждым днем душила ее все сильнее, уничтожить, как дракон, свою ничтожную перспективу будущего! Ее жизнь была лишь чередой кодов, нот, цифр и останется такой навсегда...

Брисеида, задыхаясь, побежала через парк к детской площадке. Она не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы двигаться вперед или думать. Она бросила сумку на землю и прислонилась к сараю садовника, чтобы перевести дух. В соседней песочнице дети радостно играли в куличики.

Отчаяние захлестнуло ее, как прилив, и вскоре она обнаружила, что тонет в собственных страданиях, пытаясь найти спасательный круг.

Она звала на помощь:

– Пожалуйста, кем бы вы там ни были наверху, пусть со мной что-нибудь случится! Пусть что-нибудь изменится, что-нибудь необычное, я не смогу вынести эту жизнь без ист... Ай!

Брисеида готова поклясться: что-то ударило ее в затылок. Она огляделась вокруг, массируя шею и пытаясь отыскать того умника, который выбрал ее в качестве мишени. На крыше сарая сидел большой иссиня-черный кот и смотрел желтыми глазами на густую листву высоких деревьев.

Брисеида саркастически рассмеялась.

– Это все, на что вы способны? – сказала она, положив руки на бедра, обращаясь к коту. – Подобное вы считаете необычным? Вот что я делаю с вашими идеями! – крикнула она, разозлившись, и нанесла неожиданный удар ногой по водосточной трубе сарая, от которого вся ржавая конструкция треснула, закрипела и загудела.

С истошным мяуканьем кот убежал, мигом пересек песочницу, где вдруг воцарилась необыкновенная тишина: все дети перестали шевелиться и, едва не плача, смотрели на нее своими большими круглыми глазами.

– ЧТО? – взорвалась она, бросая вызов этим соплякам, так уверенным в важности своих песочных замков. – Что? Я вам мешаю? Может быть, у вас есть идея получше?

Взглянув на разъяренные лица родителей, она не стала дожидаться ответа. Осознав нелепость своего поступка, она схватила свою сумку и убежала, ничего больше не прося.

– Что у тебя на затылке? – спросила мама, проводя рукой по ее шее, куда попала невидимая пуля.

– Ничего страшного, – со вздохом отмахнулась Брисеида.

Дело, конечно, обстояло совсем не радужно. Ее кожа была горячей на ощупь, как будто она получила странный солнечный ожог размером в несколько квадратных сантиметров. Придя домой, она бросилась в свою комнату, надеясь немного отдохнуть. Но жгучая боль не позволила ей уснуть. Брисеида никогда не сталкивалась с такой реакцией после легкого потрясения. Тем не менее она решила не подавать виду.

Анни Ричетти работала в приемном покое в больнице Рише, расположенной в

нескольких километрах от дома. Поскольку она видела больных людей с утра до вечера, то была не в силах смириться даже с небольшой температурой у своих детей. Несколько раз Брисеиде приходилось терпеть дни медицинских анализов, недели профилактических процедур и месяцы материнских комментариев после перенесенной ею незначительной инфекции. Если можно было бы избежать подобного, она бы никогда не хотела повторно войти в этот порочный круг.

Она положила руку на стол и улыбнулась своему младшему брату, сидящему на своем любимом табурете. Он возился со своим тостом в отчаянной попытке спасти пластикового Дарта Вейдера от потопа хлебных крошек.

– А тебе не кажется, что ты уже взрослый для подобных игр? – заметила она, ненавязчиво переведя разговор в другое русло.

Ее младший брат посмотрел на нее своими большими голубыми глазами. В одиннадцать лет Жюля уже не обмануть. Он также старался избегать защитных рефлексов их матери, как только мог. Он прекрасно понимал, что задумала Брисеида, и считал мелочным, что она привлекает к нему внимание. Она выдержала его взгляд, готовая к бою. Но Жюль был миролюбив по своей натуре.

– До тех пор пока папа может играть, я не слишком стар, – весело ответил он, сунув фигурку в руку отцу, который сидел в конце стола, как обычно, уставившись в пустоту.

– Оставь своего отца в покое, – вздохнула Анни, доставая из духовки блюдо с рыбой. – Тебе может быть сколько угодно лет, пока ты убираешь за собой. Вы знаете правило: никаких крошек.

Жюль закатил глаза, окидывая взглядом четыре стены кухни. Помимо мании к уборке Анни распорядилась, чтобы ярко-белые стены не пострадали от скотча или булавок для рисования. Так что кухня выглядела как дама из каталога – всегда безупречная, невинная и безжизненная. Жюль много ворчал по этому поводу, но Брисеида уже смирилась. Она предпочитала откровенную правду вместо неприкрытой лжи, размазанной повсюду. Но кухня прекрасно вписывалась в банальность их дома и сотни или около того других домов в их жилом районе – все одинаковые, расположенные вдоль вычищенных улиц, огражденных идеально прямыми живыми изгородями из зелени. Для Брисеиды только серость ее окружения соответствовала монотонности повседневной жизни. Это служило напоминанием о том, что нельзя поддаваться искушению и отказываться от своих идеалов.

Кроме того, она не могла винить свою мать, которая после долгих часов, проведенных в больнице, все еще должна была разбираться с жалобами двух подростков и играть в няньку. Брисеида смотрела, как она посыпает блюдо перцем, пробует белый соус и добавляет травы. Ее длинные светлые локоны наполовину скрывали лицо, которое было еще более уставшим, чем обычно. Она уже смыла макияж, избавилась от своей парадной маски, но все равно вызывала уважение, будучи красавицей в самом расцвете сил. Да, если Анни требовалось безупречное приготовление пищи, чтобы вернуть себе спокойствие, то таково было ее право.

– В чем дело? – Анни вытерла рот, чувствуя на себе пристальный взгляд дочери. – Со мной что-то не так?

– Ничего, – вяло ответила Брисеида. – Я просто задумалась.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке, Брисеида? Ты не очень хорошо выглядишь. Жюль, перестань играть с табуреткой, ты ее сломаешь.

– Эй, Брисеида, посмотри-ка на это.

Жюль взял из рук отца пластикового Дарта Вейдера и положил его на свой кусок хлеба,

который поднял в воздух:

– Дарт Вейдер пересекает на своем корабле поле астероидов, он избегает их, как может, но ах! Слишком поздно! Он поражен! Его корабль взорвется, он должен катапультироваться, пуф! Взрывная сила выбрасывает его в космос!

Жюль бросил фигурку в сторону отца, который быстро поднял руку, чтобы спасти пластикового Дарта Вейдера, поймав его в воздухе.

– Да! Он сделал это! Разве он не лучший отец?

– Жюль!

– Ты заметила, какой у него рефлекс, ма?

– Сколько раз тебе нужно повторить, чтобы ты не издевался над своим отцом! Он живой человек, а не одна из твоих игрушек!

За исключением руки, все еще вытянутой в воздухе, у Люсьена не дрогнул ни один мускул. Он все еще смотрел на кого-то невидимого своими ясными глазами, выражение его лица застыло, как у восковой модели. Анни сердитым движением выхватила у него фигурку и положила ее обратно на стол. В этот момент рыбное блюдо, которое она держала в другой руке, выскользнуло из ее пальцев и рассыпалось на тысячи кусочков на кафельном полу.

– Ах, великолепно! Именно из-за тебя все произошло! – воскликнула она.

– Мам, извини...

– Не трогай, Жюль, ты поранишься! Лучше принеси бумажные полотенца. Люсьен, ты в порядке? Ты не обжегся?

– Он в порядке, мама, – заверила ее Брисеида, вставая, чтобы помочь ей собрать обломки.

Люсьен и глазом не моргнул, когда услышал, как упало блюдо.

– Отлично, на гарнир к рису будет рис, – сказала Анни спустя несколько минут, захлопывая крышку мусорного ведра.

Она опустила на стул и воткнула вилку в шарик слипшегося риса, который Брисеида только что подала ей. Воцарилась тяжелая тишина. Жюль, желая хоть как-то исправить сложившуюся ситуацию, украдкой по очереди поглядывал на них.

– Я обожаю рис, ма, – наконец застенчиво произнес он. – И папа тоже, смотри.

Он вложил вилку в руку отца и прошептал в сторону:

– Давай же, ешь! – А затем добавил: – М-м-м. Ему нравится!

Анни все же улыбнулась. Люсьен всегда съедал то, что было у него на тарелке. Он с таким же успехом мог бы есть собачий корм: Анни об этом не знала, но Брисеида и Жюль однажды уже пытались накормить его собачьей едой, давным-давно...

– Мамуль, можешь рассказать нам какую-нибудь историю? – предложила Брисеида. – Например, забавную историю про мое рождение.

Жюль не упустил возможности сменить тему:

– Да! Давай, мама, расскажи нам! Расскажи нам! – с энтузиазмом воскликнул он.

Анни, посмеиваясь, кивнула:

– Но я уже сотню раз рассказывала вам эту историю!

– Ну, не страшно, расскажи ее еще раз! Пожалуйста...

Умоляющий тон и полные слез глаза – беспроигрышный вариант. Анни аккуратно собрала волосы и начала свой рассказ, рассеянно перемешивая рис:

– Значит, мы были в больнице Рише...

– В корпусе? В том, где ты работаешь? – перебил Жюль.

– Нет, в другом. Этого корпуса сейчас нет.

– Тот, который снесли бульдозером? Поскольку он мог обрушиться от того, что здание было слишком старым?

– Именно так. Я совсем недавно родила и...

– И потом построили тот корпус, где ты сейчас работаешь.

– Да, он еще крупнее. Ты хочешь рассказать историю за меня, Жюль?

– Нет, продолжай, – извинился Жюль.

– За пару часов до этого я родила...

– За сколько часов до?

– Не знаю, за несколько часов. Если ты еще раз перебеешь меня, Жюль, я не буду рассказывать.

– Извини...

– Нам пришлось несладко...

– Кому?

– Мне, Брисеиде, а также вашему отцу. С моральной точки зрения роды – захватывающее, но и очень утомительное занятие. Ваш папа вышел в коридор, чтобы купить апельсиновый сок. Я подозреваю, что он воспользовался этой возможностью, чтобы выйти покурить. Он пытался бросить, но в такие моменты...

– В какие моменты?

– Как первые роды. Жюль, я что только что сказала? Пока отца не было, старик...

– Насколько он был старый?

Анни не успела сказать сыну ни слова, Жюль тут же заткнул свой рот одной рукой и тряс головой, словно клялся, что подобное больше не повторится.

– В комнату вошел очень старый человек. Он весь согнулся под тяжестью лет, и его длинная истрепанная борода убого смотрелась на нем. Я никогда его не видела, но казалось, что он меня знает. Чувствовалось, что он был счастлив находиться рядом. Он подошел к инкубатору и назвал имя «Брисеида». Мы с вашим папой только что выбрали для тебя имя и еще никому про него не говорили. Я не знаю, откуда он его узнал.

– Может быть, он столкнулся с папой в коридоре? – предположила Брисеида.

– Позже я спросила его об этом, но он поклялся, что не говорил. Тот старик не выглядел опасным, но я все еще была слишком взвинчена, поэтому незаметно нажала на кнопку, чтобы вызвать дежурную медсестру. Я больше ничего не могла делать, я была слишком слабой, чтобы встать. Тогда я спросила его, чего он хочет, и он ответил: «Увидеть самую красивую девочку, которую я когда-либо встречал». Он улыбнулся мне, наклонился и поцеловал Брисеиду в лоб, держась за свою бороду одной рукой. Затем он с мучением выпрямился, поблагодарил и исчез так же быстро, как и появился. Больше я его не видела.

– Может быть, это был призрак, – мечтательно сказал Жюль.

– Он выглядел настоящим, – с улыбкой ответила его мама.

– Но история великолепна, – вздохнула Брисеида. – Странная, но великолепная.

– Он, наверное, был не в своем уме, – ответила мама. – Честно говоря, на мгновение я подумала, что он заблудился. Знаете, в больницах бывает всякое. А иногда старики забывают, зачем они там находятся, и покидают свои палаты так, что никто не замечает. Но медсестра заверила меня, что он не был пациентом. Они провели расследование...

– Он был пойман? Вы посадили его за решетку?

Жюль ерзал на своем табурете, как рыба на суше.

– Нельзя арестовывать старика за то, что он поцеловал ребенка, Жюль, – вмешалась Брисеида, раздражаясь.

– Они так и не нашли его, к тому времени, когда прибежали медсестра и ваш отец, он уже давно ушел, – добавила Анни. – Люсьен был недоволен: если какой-то сумасшедший мог вот так запросто проникнуть в мою палату, то мы были не в безопасности. Он хотел немедленно забрать Брисеиду домой. Врачи не согласились, она оказалась слишком слабой, ей нужно было провести еще хотя бы одну ночь в инкубаторе. Но когда Люсьен был в чем-то убежден... Он поднял на ноги всю больницу, сделал жизнь всего персонала невозможной, а я не знала, куда себя деть. Клянусь, этот человек не давал мне покоя! Он успокоился только тогда, когда ему разрешили спать на полу в палате, чтобы на всякий случай охранять нас.

Брисеида улыбнулась. Она некоторое время наблюдала за ним, сидящим в конце стола и уставившимся на дно своей тарелки, которую он опустошил в мгновение ока. Как бы ей хотелось помнить его, каким именно он был в то время! Сегодня Люсьен Ричетти больше не был ни отцом, ни даже мужчиной. Он был овощем, который днем проводил свое время в этом кресле, а ночью на раскладушке, которую его жена поставила в углу их комнаты. Она хотела присматривать за ним, но не могла больше выносить ощущения этого неподвижного тела рядом с собой, которое можно было бы считать безжизненным, если бы оно не было теплым. Люсьен постепенно начал сходить с ума, когда Брисеиде еще не было семи лет, вскоре после того, как его жена во второй раз забеременела. Иногда Брисеида запоминала слова, которые были слишком сложными для ее юного возраста:

- *кататония: форма шизофрении, характеризующаяся периодами пассивности и негативизма, чередующимися с внезапными вспышками активности;*
- *цефалгия: головная боль;*
- *психоз: аномальное расстройство психики, которое может привести к следующему пункту;*
- *бред преследования: бредовое состояние, при котором человек считает, что его преследуют.*

Брисеида могла наизусть декламировать эти определения задолго до того, как поняла их смысл, и даже произвела впечатление на своего школьного учителя, когда произнесла их перед всем классом. Затем ее отца поместили в психиатрическое отделение больницы Рише, и Брисеида смогла выучить еще три слова:

- *летаргия: состояние оцепенения, сопровождающееся отсутствием эмоций;*
- *гипертония: нарушение ригидности тела;*
- *летаргический энцефалит: все предыдущие слова, вместе взятые, или теоретический диагноз ее отца, хотя никто в этом не уверен и не стремится разобраться, особенно врачи.*

А через три месяца ее мама родила мальчика.

Анни боролась за возвращение мужа. Она была уверена, что, если бы он вернулся домой, у него стало бы больше шансов на выздоровление. Это была нелегкая борьба с административными джунглями. Но после трех лет нервотрепки, устроившись на работу в больницу, чтобы быть ближе к персоналу, она наконец получила опеку над Люсьеном.

Когда он вернулся домой, они устроили праздник, и Брисеида помнила, как ее мать плакала от радости. Однако возвращение домой не помогло Люсьену Ричетти прийти в себя. Все усилия его жены были напрасны. По сей день Анни пытается поговорить с ним,

спросить его совета, когда ей нужно принять решение, в надежде что однажды он снова познает вкус жизни. Но Люсьен оставался апатичным, двигаясь автоматически, только когда его подталкивали или заставляли. Казалось, он навсегда потерял свою душу.

Брисеида вздохнула:

– Мне пора спать, – сказала она, с трудом подавляя широкий зевок.

Она подошла к отцу, тяжелой рукой погладила длинные седые волосы, завязанные в хвост, и поцеловала его в макушку. Она потянулась, скорчила гримасу: боль в шее становилась все сильнее.

– Ты уверена, что все в порядке? – обеспокоенно спросила мама.

– Я в полном порядке. Спокойной ночи.

Но в это же время она совершила ошибку, попытавшись опереться одной рукой на спинку стула, который подло предал ее, пошатнувшись под ее весом. Не успела Брисеида понять, что произошло, как оказалась распростертой на полу.

– Брисеида! Как ты?

– Она снова упала! – воскликнул Жюль, заливаясь смехом.

– Спасибо, Жюль, – сказала Брисеида, – а то я не заметила.

Ее брат никогда не упускал возможности указать на ее недостатки, но каждый раз он, казалось, получал особое удовольствие от упоминания ее неисправимой неуклюжести.

– Но... ты вся горящая! – воскликнула мать, помогая ей снова сесть. – У тебя жар!

Брисеида слишком поздно осознала, что снова начала трогать рукой свою шею.

– Дай-ка я посмотрю, – сказала Анни, собирая каштановые локоны дочери, чтобы открыть ее шею. – О боже! Что это, черт возьми, такое? Тебя укусило какое-то насекомое?

– Я так не думаю...

– Шея вся красная, Брисеида! Почему ты не сказала мне раньше?

– Не знаю, может, потому что у меня нет глаз на затылке, – вздохнула Брисеида, предчувствуя неизбежное.

Она поймала свое отражение в зеркале шкафа. Немного повернувшись, она увидела большой прыщ у основания шеи, от которого расходилось большое багровое пятно. Зрелище было не из приятных.

– Тебе больно?

– Нисколько.

Обмануть Анни было не так-то просто. В мгновение ока она достала свой мобильный телефон.

Через аппарат раздался веселый голос ее коллеги из приемного покоя больницы:

– Я узнала твой номер! Ты так сильно скучаешь по нас? Хочешь работать сверхурочно?

– Как обстоят дела в отделении неотложной помощи сегодня вечером, Полетт?

– В неотложной помощи? Господи, ничего хорошего! На твоем месте я бы туда не обращалась. С тобой что-то случилось?

Анни подробно описала ей состояние своей дочери.

– Наверное, какая-то аллергия?

– М-м-м, – неуверенно протянула Анни.

– А как она себя чувствует? Ты знаешь, сейчас самое главное понять, каково ее самочувствие.

Брисеида широко улыбнулась матери. Если Полетт избавит ее от отделения неотложной помощи, она пообещала себе, что подарит ей букет цветов.

– Ты всегда можешь привезти ее, – добавила Полетт, – но не буду расписывать все в красках, пока можно несколько часов понаблюдать за ней. Как по мне, будет лучше, если ты проследишь, чтобы она находилась в тепле до завтрашнего утра...

– Спасибо, Полетт.

Анни повесила трубку. Она замерла на мгновение, ее взгляд помутнел, прежде чем она подняла голову:

– Жюль, Брисеида, возьмите свои пальто, мы едем в больницу.

Полетт ничего не стала говорить, когда увидела, что они приехали вчетвером. Анни держала за руку своего мужа, которого не любила оставлять одного дома, пока отсутствовали социальные сотрудники, оказывающие помощь.

– Может, ты хочешь поиграть в какие-нибудь игры, чтобы занять себя? – спросила Полетт Жюля, обходя большой овальный стол в приемной, и погладила светлые волосы сына своей коллеги.

– Все в порядке, мне уже не пять, – проворчал он в ответ.

– Жюль!

– Нет, спасибо, Полетт, все в порядке. Мне уже не пять лет.

Полетт подмигнула Анни. Она не должна была извиняться за недостаток вежливости у сына.

– Верно, ты так быстро растешь, до сих пор помню, когда ты был вот такого роста... Если хотите, могу приготовить вам травяной чай, пока будете ждать. Хорошо, я принесу его вам. Пока посидите. Вы знаете, куда пройти.

Полетт могла сделать для них только это. Работа в больнице, к сожалению, не давала Анни приоритетного доступа в отделение неотложной помощи. Особенно когда на самом деле ситуация не была чрезвычайной, о чем знали все, кроме ее матери, подумала Брисеида, опускаясь в кресло в приемной, напротив одного из многочисленных портретов Альфреда Рише. Основатель больницы сурово и надменно смотрел на нее своими маленькими черными глазами: его длинное желтоватое лицо было наполовину поглощено удушающей темнотой картины. Она вызывающе посмотрела на него. Брисеида уже много лет крутилась вокруг этого полотна, но оно все еще заставляло ее покрываться мурашками каждый раз, когда оказывалась перед ней. Девушка никогда не понимала, почему копия портрета была установлена в каждом здании больничного комплекса. Больница уже была названа в его честь, неужели он не мог удовлетвориться одной картиной, припрятанной в кабинете директора? У этого человека, должно быть, было очень большое эго...

– Мадам Ричетти?

В дверях стоял врач. Довольно высокий, с небольшой лысиной, но привлекательный на вид: Брисеида узнала доктора Мулена, ставшего постоянным сотрудником больницы, несмотря на свою относительную молодость.

– Что-то случилось? – продолжил он, его взгляд задержался на Люсьене.

Он вел историю болезни Люсьена во время его пребывания в больнице. Он знал все о несчастьях Анни и ее административных проблемах. Он заботился о ней: он даже сделал все возможное, чтобы помочь ей получить должность секретаря. Они уже давно переступили порог вежливости, но доктор все равно продолжал называть ее по фамилии, как будто обращался к коллеге. Брисеида пришла к выводу, что доктор равнодушен к ее матери и разыгрывает вежливость в грубой и жалкой попытке скрыть очевидное. Ее мать, вероятно,

тоже не осталась равнодушной к его чарам. Даже если Анни никогда бы не захотела признаться в этом, она так сильно цеплялась за мысль о том, что однажды увидит своего мужа возродившимся.

– О, Люсьен в порядке, – сказала Анни, улыбаясь. – Дело в моей дочери, у нее поднялась температура и появилось очень странное пятно на шее.

– Пятно?

– Да, темно-красное. Кажется, оно появилось без причины, весьма любопытно...

– Дайте мне взглянуть.

Брисеида незаметно дала Жюлю пинка, чтобы он перестал улыбаться, и смирилась с тем, что придется обнажить шею, и тогда у этих двух заплутавших людей будет достаточно времени, чтобы сблизиться.

– Да, действительно, выглядит очень странно. Появился без причины, говорите? Вы правильно сделали, что пришли. Думаю, стоит взглянуть внимательнее. Если вы пройдете за мной в мой кабинет...

– Правда? Это, конечно, любезно, но... Уже одиннадцать вечера, ваш рабочий день уже закончился...

– Я не в первый раз работаю сверхурочно. Не волнуйтесь, осмотр займет всего несколько минут, и я бы не хотел, чтобы вы всей семьей ждали своей очереди часами...

Брисеида позволила проверить свой пульс, попрыгала вверх-вниз, кашляла, высовывала язык, открывала глаза и наконец услышала, что паниковать не из-за чего. Доктор Мулен взял образец крови на анализ – он будет информировать их о результатах обследования, – и Анни наконец успокоилась; вернувшись домой, Брисеида захлопнула дверь своей комнаты.

Его шаги эхом разносились по длинному коридору. Он быстро прошел мимо белых дверей, не тратя времени на то, чтобы заглянуть в окошки, как он обычно делал. Медсестры позаботятся о пациентах. В конце концов, это была их работа. Четырнадцать часов он ходил по больнице: он более чем выполнил свой долг за сегодняшний день. Он посмотрел на часы и ускорил шаг. Если он не возвращался домой до десяти часов, его ждала еще одна порция бытовой драмы. Он уже мог представить себе картину: Агнес обвиняюще размахивала сигаретой у него перед носом: «Ты не можешь позволить им эксплуатировать тебя так весь день, дорогой, они тебя замучают! Предупреждаю, я не всегда буду рядом, чтобы помочь!» Он, как всегда, отвечал, что они ничего не могут с этим поделать, больница не может позволить себе нанять больше персонала и что он сам несет ответственность перед своими пациентами... Его слова, конечно же, оставались без внимания. Прошло чуть больше года с тех пор, как они съехались, и в первую годовщину их свадьбы доктор не был настроен на ссоры. Он поморщился, понимая, что его гонка со временем проиграна. Прежде чем отправиться домой, Андре Мулен должен был выполнить последнее задание.

Несмотря на относительно простоватый внешний вид фасада, внутри больницы удалось придать помещению современный вид благодаря внутреннему оснащению. Наглядным примером является фойе. На дружеский кивок сотрудницы, сидящей за овальной стойкой, доктор ответил сдержанной улыбкой, а затем двинулся к комнате со стеклянными перегородками, занимавшей западное крыло главного корпуса. Он достал магнитный ключ из кармана своего белого халата и провел им по замку. По ту сторону – ряды одинаковых полок, выстроенных в идеальном порядке. Здесь методично разложенные на раздвижных металлических стеллажах лежали все карточки пациентов, посетивших больницу Рише за последние четыре года. Андре Мулен посмотрел на карточку, которую он держал между

двумя пальцами. Обычно за хранение бланков отвечал секретарь. В этот раз он сделает все сам.

Сделав несколько больших шагов, он подошел к третьему ряду и провел пальцами по пожелтевшим этикеткам до буквы Р. Доктор легко нашел интересующий его раздел. В конце концов, именно этим он занимался уже тысячу раз. История болезни Брисеиды Ричетти была явно не столь объемной, как у ее отца, хотя и относительно большой для девушки ее возраста, да к тому же совершенно здоровой. Рост метр семьдесят, вес пятьдесят восемь килограммов, никаких детских болезней, никаких характерных аллергий... Андре Мулен перечитал чрезмерно огромный список медицинских анализов, вспоминая часы, которые Анни Ричетти заставила его потерять из-за своего опекающего поведения. Но он не мог ее винить: после того что она пережила со своим мужем, любой на ее месте превратился бы в параноика. Он закрыл папку, вложив небольшой картонный лист, датированный сегодняшним днем, среди других.

На мгновение он замешкался. Действительно ли в этом была такая необходимость? Он с опаской взглянул на секретаря в коридоре. Она стояла к нему спиной, но уже поднялась и складывала свои вещи в сумочку. Облегчение еще не наступило, но секретарь уже закончила свой рабочий день, и через несколько мгновений она покинет круглый офис, чтобы дожидаться своего коллегу. Когда она проходила мимо, то поняла, что в архивной комнате все еще горит свет, и спросила, не нужна ли ему помощь. Все нужно было сделать быстро.

Он с грохотом закрыл ящик и прошел, скрипя подошвами по линолеуму, до конца ряда. В самом низу, у стены, ящик с буквой Я, который так редко открывают. Чуть выше – ящик с буквой Х, почти не используемый. Между ними – третий ящик, на котором не было этикетки. Доктор Мулен прочистил горло, почувствовав себя неловко. Он бросил последний взгляд налево: секретарь надевала пальто. Он резко дернул за ручку. Упрямый ящик со скрипом открылся. Он был пуст. Андре Мулен опустил историю болезни Брисеиды Ричетти на дно, слишком взволнованный, чтобы аккуратно положить ее вертикально, и поставил маленький пузырек с образцом крови девушки, который он бережно хранил в кармане своей рубашки.

Холодный и хриплый голос послышался изнутри, эхом ударяясь о металлические стены:

– Спасибо.

– Не за что, – вздохнув, ответил доктор.

Он не стал дожидаться, пока ящик закроется сам, и отошел. Чувство вины сжало его грудь, когда он услышал непоправимый скрип. Но скоро он выйдет и забудет этот неприятный момент. Доктор достал из кармана клетчатый носовой платок и нервно протер им лоб, прогоняя беспокойство, а также пот, выступивший на висках.

Он опаздывал, сильно опаздывал, и Агнес, без сомнения, уже нервно вышагивала возле плиты.

Лежа на смятых простынях, закрыв глаза, но не теряя бдительности, Брисеида впитывала в себя утреннюю атмосферу. Солнце ласкало ее щеки через окно фирмы Velux; день, похоже, уже начался. Ее голова была тяжелой и влажной от пота: должно быть, она долго и беспокойно спала. Она провела пальцами по шее, которая была горячей на ощупь, и заметила, что часть спины потеряла чувствительность. Она нахмурилась и встала с кровати, чтобы осмотреть себя в зеркале напротив шкафа. В оцепенении она снова положила руку на плечо. Красное пятно не только не исчезло, но и покрыло почти все левое плечо, лопатку и шею. Под раной в набухших венах бешено пульсировала кровь. Вид был неутешительный.

Но температура спала, и доктор Мулен сказал ей не волноваться. Решив, что не стоит привлекать внимание, Брисеида нашла большой шарф среди кучи одежды, лежащей на стуле в ее комнате, и несколько раз обернула его вокруг шеи, пока он не скрыл нижнюю часть щек. Такая сейчас мода, так что мама не заметит разницы. Если она, понятное дело, оденется. Роясь в той же куче одежды, она уронила свой мобильный телефон, который едва успела поймать, прежде чем он разбился бы об пол. Она получила сообщение от Аликс в десять сорок шесть, то есть несколькими минутами ранее:

«Что делаешь?»

Была пятница, а уроки истории всегда начинались поздно. Брисеида нажала кнопку обратного вызова, бросилась на кровать и завернулась в одеяло.

– Я заболела, – заявила она совершенно искренне, едва на другом конце линии подняли трубку. – Я чем-то отравилась, но никто не знает чем, и теперь моя спина такая красная и странная, что я похожа на черепашку-ниндзя, обмакнутую в краску. Но в остальном я в порядке.

Общаясь с Аликс, которая никогда не беспокоилась ни о чем, кроме своих оценок по философии, а в последнее время и о своем будущем, ей доставляло огромное удовольствие все преувеличивать. Для Брисеиды это был восхитительный поток свежего воздуха после удушающей атмосферы, созданной ее матерью.

– Так странно, – сказала Аликс, выслушав всю историю. – Я имею в виду, что аллергия не проходит. Или это не аллергия?

– Мулен не говорил ничего подобного, а у меня никогда не было аллергии. Но видела бы

ты лицо моей мамы!

– Заметь, я понимаю ее: твоё состояние немного пугает.

Брисеида не желала заикливаться на этой теме ещё и с Аликс. Она быстро нашла способ отвлечь её внимание:

– Аликс, ты так и не рассказала мне до конца историю про своего соседа...

Рыба сразу же заглотила наживку. Аликс была совершенно неугомыма, когда речь заходила о её новых завоеваниях.

– Мой сосед! – воскликнула она. – Как я могла забыть? Дело было в среду вечером, я только что вернулась с тенниса и принимала душ, когда увидела его в окне, он разглядывал меня...

Брисеида положила телефон на матрас, откинула слишком тёплое одеяло, поджала колени под очень большую, очень старую футболку отца, которая всегда служила ей ночной рубашкой. История Аликс – надолго, поэтому стоило расположиться поудобнее.

– ...представляешь! В лифчике! Поэтому я задернула шторы. Но потом я подумала, что сейчас самое подходящее время, чтобы наладить с ним общение, поэтому я пошла и постучала в его дверь, чтобы потребовать извинений.

Аликс подробно рассказала ей, как она попала к нему домой, как они начали говорить обо всем, но ни о чем, о панк-музыке, как они сблизились, перешептывались...

– А потом? – спросила Брисеида, которая считала ворон.

– А потом? Потом уже личное, девочка моя!

Брисеида приподняла брови, уже сожалея, что ввязалась в этот разговор.

– Зачем ты мне все это рассказываешь, если собираешься остановиться на полуслове?

– Все лучше, чем вообще ничего не рассказать, – язвительно ответила Аликс. – Тебе стоит поучиться такому. Мы больше не живем во времена рыцарей, Брисеида. Если ты хочешь найти себе парня, то придется взять инициативу в свои руки. Если ты будешь отсиживаться в своей конуре, то закончишь, как Дон Кихот, затерявшись между страницами своих романов, или еще хуже: как твой отец, и это будет очень печально.

– Конечно, – сказала Брисеида, футболка отца вдруг стала казаться слишком тесной для её колен.

Аликс поняла, что зашла слишком далеко.

– Прости... Я не это хотела сказать... Твой отец, наверное, раньше был классным парнем. Но ты тоже классная девчонка, и я говорю тебе это для твоего же блага, понимаешь...

– Спасибо, – сказал Брисеида, заканчивая разговор. – Мне нужно идти, я потом тебе перезвоню.

– Ты ведь не обиделась?

Как раз в дверь постучала Анни. Брисеида пробормотала «моя мама» и повесила трубку.

– Доброе утро, котик! – мягко сказала её мама, просовывая голову в дверной проем. – Я слышала, как ты говорила... Ты проспала почти тринадцать часов подряд. Чувствуешь себя лучше?

– Намного лучше, – солгала Брисеида. – А как же твоя работа?

– Я освободила себе это утро.

– Не стоило.

– Не говори ерунды. Зачем ты замотала шею шарфом?

Когда слова сорвались с губ Брисеиды, её пульс ускорился:

– Я замерзла.

– Можешь показать мне?

Ее мать уже сидела на кровати, готовая сама снять шарф. Поддавшись инстинкту самосохранения, Брисеида приняла возмущенный вид обиженного подростка.

– Мама, с прошлой ночи ничего толком не изменилось. И мне холодно.

Анни не привыкла к такому поведению своей дочери. Она недоверчиво посмотрела на Брисеиду, но в конце концов решила взять себя в руки и погладила ее по волосам, поцеловав в лоб.

– Я еще не отпустила социального сотрудника, так что можем выйти из дома. Что думаешь о маленьком девчачьем походе по рынку?

Во время поездки на рынок Брисеида, засунув толстый шарф под лямку своей пыльно-желтой сумки, взяла руку матери и положила голову ей на плечо.

– Мама, – спросила она как можно более отстраненным тоном, – как ты думаешь, кем бы папа хотел видеть меня в жизни?

Анни удивилась, потом развеселилась:

– Представлю, что он по-прежнему со мной согласен. По крайней мере, он никогда не высказывался против меня. Должны же быть хоть какие-то преимущества в том, чтобы иметь такого мужа, как мой... Тем, кем ты хочешь быть, мой ангел. Главное, чтобы ты реализовала свой потенциал, чтобы ты была счастлива.

– Но каким образом?

Мама ласково посмотрела на нее.

– Каким ты пожелаешь, Брисеида, это твоя жизнь.

– Как бы я хотела, чтобы все было так просто... – проворчала Брисеида.

Анни просто глубоко вздохнула и посмотрела в сторону первых киосков на пешеходной площади.

– Ты справишься, вот увидишь.

– Как папа?

Лицо ее матери осунулось.

– Прости, – заикаясь, произнесла Брисеида, понизив голос.

– Я думаю, у него было не очень четкое представление о реальности, в этом и заключается его проблема, – сказала Анни слегка приглушенным голосом. – Но ты, доченька, совершишь великие дела, я верю в тебя.

Последние несколько лет Анни снова и снова твердила ей, что именно из-за его фантастических и гениальных, но слишком амбициозных проектов она потеряла отца. Хотя он был известным физиком, ни одна компания не рискнула бы финансировать его дикие авантюры. По словам Анни, его постоянные неудачи постепенно привели его к этому психозу со сложным названием.

Брисеида слабо улыбнулась и вздохнула, пытаясь побороть свои страхи. Казалось, существует тонкая грань между стремлением осуществить заветную мечту и впасть в безумие...

На рынке царил настоящий хаос: толпа, словно пчелиный рой, вилась между прилавками среди множества цветов и запахов. Брисеиду и ее мать увлекла за собой эта оглушительная волна людей. Анни взяла с собой список покупок, который быстро проигнорировала, постоянно соблазняясь то одним, то другим заманчивым предложением из

раздающихся с прилавков. Сумка Брисеиды вскоре была полна, но Анни продолжала нагружать ее, доставая свой кошелек на каждом шагу. Толпа стала еще гуще, когда они пробирались по узким улочкам, и Брисеиде пришлось работать локтями, чтобы не потерять маму из виду.

– Нам также нужно купить редис, брюссельскую капусту и перец, – объявила Анни, возвращаясь к дочери, чтобы обнять ее за талию и держать в поле зрения. – Но перцы у Антонио всегда слишком маленькие, я думаю, лучше... Люсьен!

Брисеида подняла голову и резко отшатнулась. Словно из сна, ее отец стоял в центре толпы, в нескольких метрах перед ними. Он неподвижно смотрел на них своими большими голубыми глазами.

– Но что же ты здесь делаешь? – воскликнула Анни, приблизившись к нему на три шага. – Зачем Марта привела тебя сюда? Где она? Марта? Марта!

– Должно быть, она потеряла его из-за столпотворения, – заметила Брисеида, тоже выглядывая новую помощницу по дому.

Невысокую коренастую женщину, всегда облаченную с ног до головы в черное, было нелегко заметить.

– О чем она думала, когда притащила его сюда! – Анни стала выходить из себя. – Она прекрасно знает, как ему тяжело в таких местах! Если ей что-то нужно, она должна была попросить нас, она знала, что мы собираемся на рынок!

– Как думаешь, он мог самостоятельно пойти за нами? – спросила Брисеида, которая нигде не видела Марту.

Взгляд отца мешал ей сосредоточиться на поисках: если бы она не знала его так хорошо, Брисеида могла бы поверить, что он смотрит ей прямо в глаза. Она сглотнула. Казалось, что за зрачками Люсьена идет странная битва, растворившаяся в бирюзовом океане. Как будто душа человека пыталась найти путь обратно в тело марионетки...

– Конечно, он не пошел за нами, – сказала Анни, – не болтай ерунды! Он не способен самостоятельно даже дойти до сада.

– Это ты с ним разговариваешь, но именно я болтаю ерунду, – заметила Брисеида, пожав плечами.

– Люсьен, ты меня напугал! – снова повторила Анни, схватив мужа за руку. – Почему ты ушел от Марты? Это же опасно, ты знаешь, тебе не стоило так поступать. Подержи-ка, Брисеида, пока я буду звонить Марте.

Анни доставала телефон из сумки, когда ее прервал голос. Громкий, приглушенный, мужской.

– Я знаю, в чем дело.

Брисеида замерла. Возможно, она ослышалась. Она подняла голову, а ее руки были нагружены пакетами с покупками, и повернулась к матери: загорелое лицо Анни побледнело.

– Ты... ты знаешь? – заикаясь, произнесла Анни.

Губы Люсьена дернулись, обнажив зубы в неловкой улыбке. Он подошел к Брисеиде, поправил прядь ее волос. Она затаила дыхание, окаменев. Шум толпы вокруг нее растворился. Словно в замедленной съемке она наблюдала, как рука отца опустилась к ее шарфу, который он слегка отодвинул в сторону, обнажив красное пятно. Впервые за более чем одиннадцать лет он произнес еще одно предложение:

– Тебе нужно вернуться в больницу. Хорошо?

Люсьен, словно заржавевший робот, сделал несколько шагов назад. Только тогда Брисеида заметила странную куртку, застиранную с годами, которую он нашел и надел задом наперед. Пошатываясь, он отступил назад и пошел прочь, воротник куртки был заправлен ему под мышками, а карманы обтягивали шею.

Мать и дочь шокировано смотрели, как он исчезает среди прохожих.

– ЛЮСЬЕН! ЛЮСЬЕН, ВЕРНИСЬ! – крикнула Анни, приходя в себя и бросаясь в толпу.

Брисеида хотела бы твердо держаться на ногах, но двое мужчин пересекали улицу, неся огромное зеркало, проклиная тех, кто не уступал им дорогу. Застряв не на той стороне улицы, Брисеида увидела в отражении собственное изможденное лицо и, как во сне, рассматривала одежду, которую не помнила, как надевала несколько часов назад. На негнущихся ногах, с пересохшим горлом, с колотящимся сердцем она позволила необычному видению затмить ее размышления: ее отец превратился в белого кролика и нырнул в огромную нору, за ним последовала ее мать, решившая присоединиться к нему. Брисеида, готовая тоже упасть в пропасть, в последний момент была поймана за лодыжку своей подругой Аликс, которая кричала ей: «Нет! Не иди за белым кроликом!»

– Добрый день, мадемуазель, – сказал мужчина, проходя мимо нее, и подмигнул ей.

Она успела заметить молодого человека, довольно красивого, прежде чем дно его бумажных пакетов, наполненных покупками, внезапно разорвалось и содержимое высыпалось на землю. Яблоки, груши и помидоры валялись под ногами прохожих.

Брисеида продиралась сквозь строй ног, собирая последние яблоки, когда чужая рука схватила ее за рукав. Мужчина потянул ее за запястье, вынуждая повернуться. Его сила не соотносилась с внешностью хромого старика.

– Что вам нужно? – отрывисто спросила Брисеида, тяжело дыша.

Потрепанный бродяга уставился на нее, не говоря ни слова. От его одежды исходил отвратительный запах. Его длинные редкие волосы и лохматая борода подчеркивали странную напряженность его взгляда.

Она попыталась освободиться:

– Отпустите меня!

Хватка старика стала причинять боль. Он приблизил свое лицо. Тошнотворный запах алкоголя и табака заставил ее отпрянуть.

– Иногда белый кролик бежит в правильном направлении, – прошептал он ей на ухо.

Наконец он ослабил хватку, но Брисеида уже и не думала уходить.

– Как... Что вы имеете в виду? – спросила она в недоумении.

Бродяга в ответ напустил на себя благожелательный вид, скромно поправил шарф Брисеиды на шее, чтобы лучше скрыть покрасневшую кожу.

– Это же необычное пятно, скажите мне... Вы кажетесь мне весьма милой. Вот, я сделаю вам подарок.

Он залез в грязный карман и достал кулон, который положил на ладонь Брисеиды.

– Что это такое?

– Веточка, которой миллион лет, попала в плен капли воды.

Брисеида взглянула на предмет. На конце очень тонкой нейлоновой нити висел маленький оранжевый просвечивающийся камень. Внутри можно было различить желтую нить в виде крошечной спирали.

– Спасибо, – озадаченно сказала Брисеида, – но... что вы хотели сказать о...

– С кем ты говорила, Брисеида?

Она быстро развернулась и оказалась лицом к лицу со своей тяжело дышащей матерью.

– Я говорила с...

Она снова повернулась, но старик уже исчез. Она искала его в шумной толпе.

– С кем?

– Ни с чем, ни с кем, – смущенно вздохнула Брисеида, засовывая кулон в сумку, висящую через плечо.

Ее мама выглядела расстроенной как никогда. Люсьен испарился на повороте в переулок, и сколько бы раз она ни звала его, ни расспрашивала прохожих, она не могла найти его. Ей удалось дозвониться до Марты: Люсьен запер ее в ванной, после чего сбежал. Она только что освободилась с помощью соседа, который услышал ее крики через окно.

– Я не думаю, что он вернется домой, – хриплым голосом договорила Анни. – Пойдем, предупредим всех в больнице.

Двое мужчин, несущих зеркало, наконец-то покинули переулок, и со всех сторон толкались раздраженные прохожие.

Анни схватила дочь за руку и потянула ее назад.

Полетт была у стойки администратора. Улыбка, которую она им подарила, испарилась, как только она заметила панику на лице своей коллеги.

– Люсьен пришел в себя. Он пришел в себя и исчез. Я не знаю, где он.

– Он не приходил сюда, – потрясенно прошептала Полетт. – Ты... ты уверена?

– Конечно, да! Он смотрел мне прямо в глаза, он говорил со мной, и он, он... – сказала Брисеида.

– Что он сказал? – Анни разрыдалась.

– Он сказал, что знает, что у меня на плече, – ответил Брисеида тоненьким голосом.

Полетт позвонила по телефону, затем обошла стойку, чтобы усадить Анни на стул. Она попыталась заверить ее, что больница будет совместно с полицией координировать поиски. Брисеида сидела в углу, провожая взглядом коллег своей матери. Любопытные медсестры и врачи постепенно собирались вокруг Анни, поддерживая ее и обсуждая, как действовать дальше. Необходимо было составить список мест, где Люсьен бывал в прошлом. Больница должна была предоставить успокоительные для него и сильных парамедиков, которые помогут отвезти его обратно в больницу. Прежде чем погрузиться в летаргическое состояние, физик несколько раз сбежал из психиатрического отделения. Подумав, что ему удалось сорвать какой-то ужасный заговор, он вернулся домой, рассказал жене и собрал вещи. Он был слишком дезориентирован, чтобы быть достаточно активным, поэтому медикам всегда удавалось его поймать, а сейчас он убежал навсегда. Но, когда за ним приходили, он дрался, как лев, кусался, кричал и пугал Брисеиду, которая в свои десять лет, казалось, была единственной, кто слышал его крики и верил в его мучения. Кататония, психоз, бред преследования. Все знали историю Люсьена Ричетти.

– Мадемуазель Ричетти?

На плечо Брисеиды опустилась рука. Она подняла голову. Доктор Мулен улыбался ей:

– Не волнуйтесь, мадемуазель. Мы найдем вашего отца.

Она застенчиво качнула головой, не найдя, что сказать.

– Как обстоят дела с аллергическим высыпанием? Позвольте мне посмотреть.

Брисеида позволила врачу размотать шарф и осмотреть состояние ее кожи. Он на мгновение задумался.

– Ваши анализы крови должны быть готовы к завтрашнему дню, поэтому я думаю, что

будет лучше, если вы останетесь здесь до этого времени. Может, я смогу найти для вас более спокойное место для отдыха? Не тревожьтесь о своей матери, – добавил он, видя, что она колеблется. – Полетт позаботится о ней. Поверьте, для вас лучший способ помочь ей – позаботиться о себе. Ведь вы знаете ее не хуже меня...

Стоящая вдалеке Полетт ободряюще ей улыбнулась.

Брисеида неохотно встала.

Доктор привел ее в небольшую дальнюю палату на четвертом этаже. Она положила свою сумку на одну из двух кроватей. В тишине задумчиво уставилась на белые стены, на вид из окна, выходящего на небольшую автостоянку. Это место было очень грустным.

– Попробуйте немного отдохнуть, – сказал доктор.

– Просто... я не так уж и устала. А нет ли палаты поближе к приемному покою?

– Как только появятся новости о вашей семье, мы сообщим. Зайду к вам попозже. Если что-то понадобится, просто нажмите на эту кнопку. Не волнуйтесь, все обязательно образуется.

– Спасибо.

Доктор скрылся в коридоре, оставив Брисеиду наедине со своими переживаниями. Она пожалела, что не решилась сказать ему, что предпочла бы устроиться в одном из холодных кресел в фойе. Он был так заботлив... Телевизор не работал. Она опустила на белые простыни и посмотрела на пальцы ног через дырки в носках. Прошел бесконечный час. Наконец, ее мать заглянула к ней. Держа в руке маленькую чашку кофе, она села на кровать.

– Брисеида, как ты, мой ангел? Доктор Мулен сказал мне, что твое пятно увеличилось. Нужно было сказать мне, но ты неисправима!

– Но у меня нет температуры... А что насчет папы?

Анни прижала пальцы, согретые горячим кофе, ко лбу дочери, прежде чем ответить. Мнение матери всегда было важнее мнения врача.

– Парамедики отправились в жандармерию. Доктор Мулен считает, что его найдут до вечера. В любом случае они делают все, что в их силах. Поскольку отделение радиологии закрыто с прошлой недели, там царит беспорядок: пришлось перевести половину пациентов из этого отделения на другой конец города. Я предложила остаться на дежурстве сегодня вечером, чтобы помочь им. По крайней мере, так я буду рядом с тобой. Я позвоню соседке и договорюсь насчет Жюля.

– Ты уверена, что в состоянии работать?

– Конечно, вот увидишь! Через десять минут начинается моя смена. Тебе есть чем заняться?

– У меня в сумке есть блокнот. Может быть, я что-нибудь напишу.

– Хорошо.

Несколько мгновений Брисеида наблюдала за ней, мама погрузилась в свои мысли и сжимала руками маленькую чашку, чтобы поглотить ее тепло.

– Будь умницей, – наконец сказала Анни, подмигнув, и поцеловала дочь в лоб.

И потом она оставила Брисеиду одну в четырех белых стенах.

Послеобеденное время тянулось, казалось, бесконечно. Около четырех часов пришла медсестра, чтобы разместить пожилую женщину на второй кровати. Они все еще не нашли отца Брисеиды, и медсестра очень переживала по этому поводу. Она хорошо знала Люсьена Ричетти, когда он еще работал ординатором в больнице. Ее смена заканчивалась рано вечером, поэтому она придет и расскажет, как обстоят дела. Доктор Мулен зайдет позже,

пока он был занят. Брисеида поблагодарила ее, а затем три часа слушала, как ее соседка кашляет, плюется и поет старые песни. Ей казалось, что солнце никогда не склонится к горизонту.

Наконец дверь в палату открылась и появились две фигуры в белых халатах. Брисеида подняла голову, почувствовав облегчение... и мир перестал существовать. Ее отец, улыбаясь, стоял в проходе, а за ним был незнакомец. У нее отвисла челюсть.

– *Еще не время обеда-а-а-а*, – грубо прочистив горло, пропела маленькая леди.

– А мы пришли не за обедом, – мягко сказал Люсьен. – Брисеида, ты в порядке? Фрэнсис, это моя дочь, Брисеида. Она красавица, правда?

– Меня зовут Фрэнсис, приятно познакомиться, – представился коренастый мужчина с кустистыми бровями, слегка наклонившись.

Брисеида медленно повернула голову в его сторону, затем ее взгляд снова вернулся к улыбающемуся отцу. Его движения плавные, живые, нормальные...

– Соберись, Брисеида, и прикрой рот, а то муха залетит...

Он ущипнул ее за нос, как он часто делал, пытаясь рассмешить ее, что вызвало в ней цепную реакцию: удар током, встающие дыбом волосы, мурашки по коже, внезапный прилив крови к лицу, сухость в горле, затрудненное дыхание, онемение конечностей, спазмы в желудке. Она изо всех сил старалась не подать вида.

Ее отец стал серьезным и сел на край кровати.

– Мы подумали, что можем помочь тебе.

И когда Брисеида не ответила, он добавил:

– Фрэнсис – физик, как и я, или по крайней мере каким я был раньше, и... ну, мы с ним запустили научно-исследовательскую программу еще до моего незначительного... выздоровления. Теперь мы верим, что с помощью результатов нашей работы сможем вылечить тебя. Итак, что ты думаешь?

– А о чем я должна думать? – подавилась она.

Люсьен посмотрел на своего друга, затем сказал совершенно очевидным тоном:

– О нашем предложении!

– Я... я... – заикалась Брисеида, переполненная эмоциями, а потом разрыдалась.

– К добру ли это? – тихо спросил Люсьен своего друга.

Фрэнсис поморщился.

– Брисеида, что-то случилось? – попытался узнать Люсьен. Она уставилась на него.

– Что-то... что-то случилось? – повторила она хриплым голосом. – Ты... ты спрашиваешь меня, не случилось ли чего?

Люсьен, смущенно улыбнувшись, ждал, когда она договорит.

– Я не могу просто поверить... – сказала Брисеида, смеясь и плача одновременно. – Ты живешь... вернее, выживаешь на протяжении одиннадцати лет, как овощ... Ты даже не в состоянии завязать шнурки или открыть дверь почтальону... Живая кукла... а потом – пуф! Ты снова появляешься, как и раньше... И тут бац! А потом спрашиваешь: «Что случилось?»

Люсьен переглянулся с Фрэнсисом.

– Хм... Итак? Так что насчет нашего предложения? – робко поинтересовался он.

– А мама знает, что ты здесь?

Люсьен выглядел совершенно невинно. Брисеида стремительно встала.

– Я расскажу ей.

– Значит, к вашему возвращению нас здесь не будет, – категорично сказал Люсьен. – Мне

нельзя встречаться с Анни. По крайней мере пока что. Сперва мы должны кое-что сделать.

– Я позову медсестру, – прервала его Брисеида, хватаясь за кнопку.

– Нет!

Люсьен выхватил кнопку из ее рук.

– Послушай, Брисеида, ты не понимаешь, это же вопрос жизни и смерти!

– Потихонечку, Люсьен, нас могут услышать, – проворчал Фрэнсис, бросив взгляд на застекленные двери.

Старушка села на кровати, явно заинтересовавшись происходящим. Люсьен обхватил дочь за плечи, чтобы шепнуть ей:

– Брисеида, дай мне шанс. Один маленький шанс искупить свою вину, прежде чем я исчезну, хорошо? Я уверен, я знаю, что могу помочь тебе. Ты в безопасности, и если ничего не получится, я обещаю, что оставлю тебя в покое.

Брисеида опустила глаза, не в силах больше выдерживать его властный голубой взгляд. Ей хотелось обнять его. Старуха снова начала петь.

Он сказал *«прежде чем исчезну»*. Он действительно собирался уйти навсегда? Если ему удалось выследить ее, пройти к ней в палату незамеченным, пока его искала вся больница, значит, он был на многое способен...

– Так о чем речь? – спросила Брисеида.

– Об аппарате МРТ, – ответил Фрэнсис.

– Что ж, вам не повезло, отделение радиологии закрыто! – сказала она, опускаясь обратно на кровать.

Люсьен улыбнулся.

– Вам не удастся проникнуть туда, – настойчиво повторила она, понимая, на что он намекает.

– Ремонтные работы заканчиваются в шесть часов, а кабинет МРТ по-прежнему находится в хорошем состоянии, – говорит Люсьен. – Нам нужен только пропуск.

– И откуда вы возьмете пропуск?

– Из этого кармана, – ответил он, поглаживая свой халат.

– Хорошо. А после?

– Мы объясним тебе все уже там. Нам не стоит здесь надолго задерживаться, уже почти время обеда.

– *Уже почти время обеда-а-а!* – снова пропела старушка.

Ни за что на свете Брисеида не хотела бы видеть, как ее отец снова пропадает бесследно. Она перепрыгнула изножье кровати.

Они прошли по безлюдному коридору на четвертом этаже к служебной двери. Люсьен открыл ее без колебаний, и они вошли в небольшой проход, где сильно пахло рыбой. Неподалеку находились кухни.

– Сегодня вечером рыба в панировочных сухарях, – заметил Люсьен, сморщив нос. – Честно говоря, ты не так уж много теряешь. У того, кто готовит подобное, совершенно отсутствует вкус! Уж точно!

Аварийный выход привел к винтовой лестнице, расположенной между двумя зданиями. Только так можно было незаметно спуститься на первый этаж. Внизу они прошли по двору, где были расставлены мусорные контейнеры, а затем, пройдя по небольшому переулку, вышли к западной части большого фойе.

– Вот тут-то и возникают сложности, – негромко заметил Люсьен. – В отделение

радиологии можно попасть только через дверь, которую видно с другой стороны парковки.

Брисеида поморщилась. Она несколько раз заходила в овальную приемную главного фойе. Вход в здание радиологии можно было увидеть, просто посмотрев вверх.

– И у вас есть план?

– Практически...

– Мы обойдем парковку и постараемся остаться незамеченными, – объяснил Фрэнсис, снимая свой белый халат.

– Мама сейчас работает за стойкой администрации! И ей не нужно видеть мое лицо, чтобы догадаться, что это я! Разве мы не можем подождать, пока совсем стемнеет?

Ее отец решительно покачал головой:

– Вскоре они поймут, что тебя больше нет в палате. Мы не можем ждать, нужно придумать отвлекающий маневр.

Брисеида бегло оглядела холл. Ее мать что-то объясняла пожилому мужчине, а ее коллега, новенькая по имени Эстер, о которой Брисеида знала очень мало, заполняла какие-то бумаги. Вокруг приемного отделения было немного людей, но недостаточно, чтобы они могли пройти незамеченными.

– Мама знает Фрэнсиса? – Ее отец кивнул.

– Если каждый из нас должен остаться незамеченным, то кто тогда будет отвлекать остальных?

Фрэнсис достал из кармана мобильный телефон и набрал номер больницы. Из телефона раздался звук:

– Больница Рише, здрав... – и Фрэнсис поспешно повесил трубку.

– На звонок ответил кто-то другой.

– Ты уверен? – спросил Люсьен. – Перезвони по громкой связи, я хочу послушать.

Брисеида снова взглянула на стойку приемной: теперь коллеги разговаривали, чтобы скоротать время. Если они перейдут дорогу сейчас, то не успеют пройти и десяти метров, как их заметят. Фрэнсис позвонил снова, и во второй раз трубку взяла Эстер.

Притворившись самоубийцей, Фрэнсис поклялся, что примет таблетки и выбросится из окна, если немедленно не вызовут главврача. Эстер была немного озадачена и попросила Анни найти кого-нибудь из начальства. Та тут же убежала.

Стоя спиной к окну, сотрудница пыталась успокоить собеседника:

– Не волнуйтесь, месье, я отправлю «Скорую помощь», и они приедут за вами. Но мне нужно, чтобы вы сообщили свой адрес.

– Но мне не нужна «Скорая помощь»! – страдальческим голосом ответил Фрэнсис.

Он махнул им рукой, продолжая в том же тоне:

– Мне нужно поговорить с главврачом!

Первой на открытое пространство вышла Брисеида, за ней следовал ее отец.

– Хорошо, хорошо! Но мы не сможем приехать и помочь вам, если вы не сообщите больше информации. Назовите мне свой адрес...

Они продвигались вперед, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимания.

– Нет, нет, нет, я чувствую, что вы пытаетесь меня обмануть, – сказал Фрэнсис. – Я не скажу вам свой адрес, я прекрасно знаю, что вы собираетесь сделать. Вы собираетесь силой отвезти меня на одну из ваших птицебоен! И вы хотите, чтобы я смирился с подобным?

– Послушайте, месье, – сказала Эстер, – постарайтесь быть благоразумным. Вам нужна помощь, и я не смогу помочь вам, если вы не поможете мне. По крайней мере, скажите, в

каком районе вы живете.

До дверей здания радиологии им оставалось преодолеть еще несколько метров. Они поспешили дальше.

– Подождите... Кажется, я слышу, как возвращается моя коллега, возможно, она сможет вам помочь...

– Вот черт!

– Прошу прощения?

– Нет, я говорил не о вашей коллеге, а о главвраче! – завопил Фрэнсис, отчаянно вскидывая руки в сторону Брисеиды и Люсьена.

– Похоже, вам тяжело дышать, – забеспокоилась сотрудница. – С вами все в порядке?

– Да-да, все очень хорошо!

Люсьен вставил свою карточку в магнитный слот замка, дождался щелчка, надавил на открывающийся засов, но дверь только покачнулась. Казалось, что-то мешает открыть ее изнутри. Он надавил сильнее, налегая всем своим весом, но безрезультатно.

– Ну нет, так дело не пойдет! Где главврач? Я хочу видеть главврача!

– Он рядом со мной, он поговорит с вами... Анни, скорее!

Брисеида присоединилась к своему отцу, помогая открыть дверь. Под их давлением дверь подалась на несколько сантиметров.

– Нет, я вижу, что он не с вами! – воскликнул Фрэнсис.

– Что вы имеете в виду?

Сотрудница повернулась, когда Анни присоединилась к ней. Через долю секунды дверь отворилась на метр, ровно настолько, чтобы они смогли войти в здание. Фрэнсис втолкнул их внутрь, и из-за спешки его телефон упал на пол. Голос сотрудницы раздался эхом в пустом зале:

– Алло? Алло? Месье, что случилось? Вы в порядке?

Фрэнсис бросился к своему мобильному телефону:

– Теперь все намного лучше, мое уважение главврачу. Спасибо, до свидания.

Он отложил телефон и опустился на пол, тяжело дыша.

Люсьен, скрытый полумраком, подошел к окну, чтобы посмотреть на свою жену, увлеченно беседующую с Эстер. Он вздохнул и послал ей воздушный поцелуй.

– Медикам не хватает того, что делает хорошего ученого хорошим, а именно воображения. Они настолько заиклены на своей реальности, что ограничивают себя и не видят того, что находится перед ними! Просто смешно. Чтобы найти решение, нужно суметь его представить. Вот, подай мне красный провод со стола.

Брисеида нашла провод посреди невообразимого беспорядка и передала его отцу.

– А искомое вами решение моей проблемы существует или вы его только вообразили?

– А есть какая-то большая разница между этими двумя понятиями?

Брисеида неловко пожала плечами:

– Я не знаю. Я бы подумала над этим вопросом... Но раз ты так говоришь.

– Абсолютно никакой разницы. Никакой, – сказал Люсьен, глядя на нее пронзительными голубыми глазами. – Проблема медицины в том, что она рассматривает все с точки зрения болезни.

– Что вполне логично...

– Но когда мы говорим «болезнь», то под этим подразумеваем биологическое тело, а значит, и химическую реакцию. С самого начала физическая гипотеза исключается. Просто абсурд!

Люсьен разразился смехом, который поддержал Фрэнсис.

Брисеида напряженно улыбнулась. Они выглядели вполне уверенными в себе!

Два физика провели часть вечера, разбираясь с измерительной системой. Аппарат МРТ, представляющий собой большую горизонтальную трубу с толстой бронированной обшивкой, теперь скрылся под клубком проводов и приборов, словно гигантский паук в своей паутине. Окна были закрыты, и два прожектора освещали пространство, а по другую сторону стеклянной стены гудели четыре компьютера.

– Когда мы говорим о химии, мы обязательно обращаемся к химическим элементам, которые вступают в реакцию, – продолжал Люсьен, склонившись над электронной коробкой,

которую он только что вскрыл на правой стороне аппарата. – Таким образом, можно заставить два химических вещества вступить в реакцию, если только они помещены в один и тот же сосуд. В твоём случае, можно сказать, проблема кроется внутри.

– Внутри? – повторила Брисеида.

– Внутри твоего тела. Фрэнсис, ты можешь подключать компенсатор!

– Внутри моего тела? Получается, что проблема не в моём теле? – удивилась Брисеида.

– Все, работает! – сказал Фрэнсис, находясь за огромной стеклянной стеной.

Люсьен поднял голову и одарил дочь красивой улыбкой.

– Нет, это же очевидно. Твой организм в некотором роде синхронно реагирует на внешний источник, с которым ты связана. Сложность заключается в том, чтобы обнаружить его.

– Источник?

– Да.

Он дернул за проволоку, вырвав ее из сложной конструкции, к которой она была прикреплена, и закрыл корпус.

– Вот так!

Отец встал, вытер лицо и посмотрел на нее с забавным выражением:

– Не смотри так! Мы найдем его, твой источник.

– Но что это такое? И почему мое тело реагирует на него? – Брисеида начала терять терпение.

Шею снова начало жечь, и она уже начала жалеть, что не дождалась возвращения доктора Мулена.

– Мы почти у цели. Наберись терпения, и в конце концов ты все поймешь. Вот, гляди, я покажу тебе, как тебе нужно расположиться. Тебе необходимо всего лишь лечь на выдвигающийся стол, вот так, головой к аппарату, а затем мы поместим тебя внутрь трубы. Легче и быть не может. Но тебе придется быть очень осторожной: чтобы у нас был шанс на успех, ты должна будешь оставаться *абсолютно* неподвижной в течение всего эксперимента. Все, что от тебя требуется, – это смотреть на мигающую красную точку перед собой и не отвлекаться, что бы ни случилось.

– Почему? Что может произойти?

– Ничего серьезного... Но это все же эксперимент. Даже если я почти уверен в результате, всегда остается некий фактор неопределенности. В этом, кстати, и заключается прелесть нашей работы.

Брисеида почувствовала, как у нее свело живот. Значит, она была их подопытным кроликом. Она вспомнила телевизионную программу, которую видела несколько недель назад, в которой говорилось о неприемлемости фармацевтических испытаний на животных. В передаче упоминалось, что средняя продолжительность жизни лабораторной крысы редко превышает несколько дней. Биолог пытался оправдать эту расправу, указывая на то, что подобные жертвы спасут множество человеческих жизней в ближайшем будущем. Таковы были правила игры. Игры! Ее отец тоже играл?

– Затем, когда ты уляжешься, Фрэнсис запишет разницу температур между участками кожи, пораженными красным пятном. На самую горячую точку мы направим крошечные электромагнитные волны, которые ты не почувствуешь, но на которые отреагирует твое тело. Твои клетки, чтобы защитить себя, «выключатся», так сказать, и «радиосообщение», посланное тебе источником, вернется к нему как эхо. Наши приемники, эти маленькие

зеркала, которые ты видишь повсюду, смогут уловить это эхо и определить положение источника благодаря направлению и размеру волны. Проще простого, но нужно быть физиком, чтобы додуматься до этого.

– Проще простого... – прошептала Брисеида.

– Очевидно, – сказал Фрэнсис, – что мы должны найти правильную энергетическую точку на твоём плече, убедиться, что зеркала расположены правильно, а электрошок верно дозирован...

Люсьен бросил на него недовольный взгляд.

– Все будет хорошо.

Брисеида сглотнула.

– У вас вообще есть идеи, откуда берется этот источник?

– Он исходит из довольно далекого места. Из очень-очень далекого... – заверил Люсьен.

Брисеида взглянула на Фрэнсиса. Казалось, ему было не по себе и подобно ее беспокоило. И ее отец это заметил.

– Это же очевидно! – воскликнул он. – Фрэнсис, ты же сам подтвердил, источник может исходить только оттуда!

– Теоретически да, – сказал Фрэнсис каким-то вялым голосом. – Но когда ты видишь все своими глазами...

– Могу тебя заверить, что ничего ты не видел, – отрывисто произнес Люсьен.

Фрэнсис виновато кивнул.

– Я знаю... Но все равно в это трудно поверить...

Люсьен напряг челюсть. Он повернулся к дочери, заставив себя улыбнуться:

– Брисеида, почему бы тебе не пойти и не взять нам две чашечки кофе из кофемашины в коридоре, пока мы закончим последние приготовления?

Она безоговорочно согласилась. Ей нужен был свежий воздух.

Уже стемнело, когда Брисеида вышла в коридор с фонариком, который она направляла в пол, чтобы не привлекать внимания. Она выключила его, когда подошла ко входу. Несколько окон выходило на освещенную автостоянку. Полетт была на дежурстве и стояла за овальным столом в главном фойе. Ей пришлось прийти на помощь Анни после того, как исчезла ее дочь. Телефон Брисеиды не умолкал весь вечер. Люсьен вообще не переживал, он не думал, что кто-то будет искать их в этом здании. Ей было трудно в это поверить, но он оказался прав. Ее искали, они даже слышали сирены чуть ранее. Потом все успокоилось. На Брисеиду нахлынула грусть. Как будто у ее матери и так мало забот... Она поклялась себе, что не заставит ее ждать слишком долго. До полуночи, что бы ни говорил Люсьен, она позвонит ей.

Она нашла кофемашину в темном углу, за створчатыми дверями, зажатую между полками, на которых раскиданы листовки и стояло пластиковое растение. Все работало идеально. Она взяла два кофе и уже собиралась уходить, когда ужасное ощущение охладило ее кровь. Кто-то наблюдал за ней сзади. Она замерла на мгновение, не зная, что делать, а затем с колотящимся сердцем двинулась к дверям, но в последний момент повернулась, чтобы удивить незнакомца.

Она от неожиданности выронила две чашки, и они разбились об пол. Два маленьких черных глаза холодно смотрели на нее с другой стены. Альфред Рише, конечно же. Портрет, такой реальный, казалось, насмеялся над ее испугом. Злобная улыбка заиграла на его лице: как никогда в этом полумраке, высокий бледный доктор, казалось, готов был возненавидеть любого, кто осмелился наблюдать за ним.

– Однажды я спущу с тебя шкуру, – прорычала Брисеида, ее руки все еще дрожали.

Она поспешила взять две новые чашки и не потрудилась вытереть пролитый на пол кофе. Чем быстрее она покончит с экспериментами отца, тем быстрее сможет вернуться домой.

– Надеюсь, что ты не страдаешь клаустрофобией: из-за того что мы установили в аппарат, у тебя не будет места для свободного маневра. А затем нам придется заделать отверстие у твоих ног, ведь важно получить правильные измерения.

Сидя на выдвижном столе, Брисеида жестом прервала его, держа туфлю в руке, и посмотрела на Фрэнсиса. А тот осторожно продолжил:

– Мы будем находиться за стеклянной стеной, где компьютеры, опять же, чтобы не исказить измерения... Но у тебя с собой будет эта маленькая коробочка... для связи, – быстро добавил он, чувствуя, как помрачнел взгляд Брисеиды.

– Похоже на радионяню Жюля, которую использовали, когда он был маленьким.

– Верно, – подтвердил ее отец.

– Эта штука работает через раз, – недоверчиво заметила Брисеида. – И работала так еще одиннадцать лет назад...

– Мы все починили. Не волнуйся, Брисеида, все под контролем. И твой ремень тоже. Нужно снять ремень, а потом джемпер.

Она с неохотой подчинилась.

– А радионяня не исказит результаты измерений?

– Мы внесли в него необходимые изменения. Вот, отлично, теперь тебе нужно просто лечь. Ты замерзла, вся дрожишь. Боюсь, придется поторопиться.

– Нет, на самом деле я умираю от жары.

У нее поднялась температура. Она чувствовала себя слабой, ее разум был затуманен. Люсьен положил руку ей на лоб и, не отрывая от нее глаз, крикнул своему коллеге, который сидел у компьютеров:

– Фрэнсис! Нам нужно поторопиться!

– А потом ты обещаешь вернуться домой со мной, без всяких разговоров?

– Да, конечно.

– Поклянись.

– Клянусь.

– Хоть бы все получилось, – вздохнула Брисеида, ложась, – потому что это чертово пятно начинает действовать мне на нервы.

Жестом она показала Фрэнсису, который находился за стеклянной стеной, что она готова. Он нажал кнопку, и выдвижной стол медленно пополз в большую трубу.

– погоди! – воскликнул Люсьен, прежде чем исчезнуть из поля ее зрения.

Выдвижной стол остановился, он взял ее за руку и склонился над трубой, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Я просто хотел сказать тебе... Прости, что не могу объяснить больше. Ты не сможешь понять. Тебе придется подождать и увидеть... результат своими глазами.

– Все хорошо, папа.

– Нет, я имею в виду... Надеюсь, что ты поймешь. Но я хочу, чтобы ты знала, что я искренне сожалею о том, что произошло за последние одиннадцать лет. И что я никогда не переставал думать о тебе.

– Хорошо.

Брисеида не понимала, что он имеет в виду. Выдвижной стол дрогнул и ожил. Она сосредоточила свое внимание на потолке аппарата МРТ, который медленно проплывал мимо менее чем в десяти сантиметрах от ее носа.

Выдвижной стол достиг дна цилиндра, и ее отец захлопнул перегородку. В полной темноте, которую рассеивали лишь несколько мигающих светодиодов, Брисеида начала думать, не совершила ли она какую-нибудь глупость. Как она могла быть уверена, что эти двое мужчин не сошли с ума? Что они не собирались оставить ее гнить в саркофаге? Стена была так близко к ее лицу, что испарения от ее дыхания возвращались и ласкали ее щеки. Была пятница. Она стала очень надеяться, что рабочая бригада будет заниматься ремонтом и в субботу.

– Все в порядке? – затрещал голос отца в радионяне, прижатой к ее плечу.

– Пойдет... Но я бы предпочла, чтобы эксперимент не длился слишком долго. Тут тесновато...

– Начнем прямо сейчас! Я буду считать до трех. На счет «три», не двигайся, понятно?

– Понятно!

– Один...

Ее сердце забилося быстрее.

– Два...

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. На долю секунды она представила, как ее мать, задыхаясь, входит в комнату и видит двух мужчин, склонившихся над безжизненным телом ее дочери.

– Три!

Внезапно посыпались искры, за которыми последовала сильная вспышка. Брисеида подняла голову и ударилась о стенку аппарата МРТ. Она выругалась.

– Брисеида! Я же просил тебя не двигаться!

– Ты не сказал мне, что будут вспышки! – запротестовала она, сердито ударяя кулаком по стенке. – Выпустите меня отсюда!

– Давайте попробуем еще раз!

Люсьен уже начал действовать, прежде чем она успела среагировать:

– Начинаем! Раз, два...

– Нет, подожди!

– Три!

Появилось слабое свечение, затем над ней пронесся поток воздуха. Вдруг три мощных электрических разряда пронзили ее плечо, и у нее перехватило дыхание. На несколько секунд тело перестало ей подчиняться.

– Невероятно! Невероятно! – воскликнул ее отец.

– Что невероятно? – сказала она, ее мышцы онемели.

– Все правильно! Невероятно!

– Папа? Папа!

– Брисеида? Ты меня слышишь?

– Да, я тебя слышу! Что происходит?

– Только один из приемников должен был обнаружить источник! Но шесть приемников из шести среагировали. Шесть! Это очень много! Нужно провести дополнительные тесты!

– Дополнительные?

– Мы должны немедленно начать снова, пока условия благоприятны!

– Папа, подожди, я не чувствую...

Но Люсьен уже начал обратный отсчет.

Брисеида закрыла глаза, как будто это могло что-то изменить, и ожидала следующего толчка, ее лицо было напряжено.

– ...Три!

Ничего не произошло. Она немного подождала, прежде чем открыть глаза. Все по-прежнему. Она медленно подняла голову, увидела только кончики пальцев ног, расположенные чуть ниже мигающего светодиода. Она протянула руку и слышала только собственное дыхание и трение волос о стенку.

– Папа?

Ответа не последовало.

– Фрэнсис, Люсьен, вы здесь? – Тишина.

Теснота кабины не позволяла ей поднять руку к плечу, чтобы взять радионяню. Она попыталась сдвинуть ее подбородком. Сейчас нельзя потерять эту вещь.

– Я думаю, ничего не получилось! – закричала она. – Я ничего не почувствовала! Мне тяжело здесь дышать! Вы можете меня вытащить?

Ничего, даже ни малейшего шума. Если устройство больше не работало, двое мужчин, конечно, заметили это. В любой момент они могли прийти и открыть ее.

– Эй, вытащите меня отсюда! – кричала она, теряя терпение и стуча по перегородке.

Прошла минута, бесконечная минута. Она прижала руки и ноги к стенке, чтобы продвинуться к выходу. В таком маленьком пространстве невозможно было разогнаться: она отталкивалась от перегородки всеми силами, которые были в ее ногах. Воздух заканчивался, а ее сердце бешено билось. Она не сможет пережить ни ночь, ни выходные в этом кошмарном саркофаге. Она толкалась снова и снова, извиваясь, как сумасшедшая. Паника нарастала, она больше не продержится ни минуты, она должна была выбраться, выбраться, выбраться!

Перегородка поддалась. Девушка судорожно выползла наружу.

Воздух, наконец-то! Из-за интенсивного света прожекторов ей пришлось прикрыть глаза.

– Папа! – крикнула она, все еще держа глаза закрытыми.

Было холодно. Спотыкаясь, она дошла до своей сумки, отыскала кроссовки, джемпер и, моргая, направилась в компьютерный зал. Там никого не было.

– Люсьен?

Ее телефон разрядился. Время на часах остановилось. Она провела рукой по лбу, внезапно почувствовав, что ей очень жарко. Ее глаза жгло.

Она сделала несколько шагов, ее ноги были тяжелыми, лишенными сил. Все, что она могла видеть, было белым. Она остановилась, чтобы переждать дискомфорт, и земля ушла у нее из-под ног.

Брисеида старалась оставаться неподвижной как можно дольше. Она любила этот особый момент, когда можно притворяться бодрствующей, но в то же время купаться в магии сна. Быть у штурвала и плыть по воображаемому миру ночных грез... В подобные мгновения все было возможно.

Небольшой электрический импульс нарушил ее покой, за ним последовали другие, повторяющиеся через равные промежутки времени. Резким движением Брисеида прогнала назойливые мысли. Но невыносимый шум поселился в ее снах, где, похоже, был твердо намерен остаться. Развеселившись, Брисеида заметила, что этот шум перенял ритм ее сердца. О, непослушный обманщик!

– Да что за чушь собачья! Вот увидите, однажды кто-то из них ускользнет от нас!

Она отчетливо слышала чей-то голос. Слабый электрический шум участился, как бы выражая свое недовольство.

– Не кричи так, Кати, а то у нее действительно будет сердечный приступ! Но, случись такое, возможно, они поднимут свои задницы...

– Ах, Фредди, еще считаешь себя умным с твоими-то размышлениями о...

– Прекратите, вы оба, а то разбудите ее! – Брисеида затаила дыхание.

Должно быть, ее нашли в здании радиологии. Они могут спросить ее, почему в такое время она не в своей палате, а лежит в закрытом для посторонних коридоре. Или ее нашли утром? Во рту у нее пересохло, а голова болела. Она вполне могла провести целую ночь в коридоре.

– Тем не менее, – проговорила Кати, – ты не можешь заставить меня поверить, что, обладая такими возможностями, они не могут...

– Тише! Идите сюда, кажется, она просыпается.

Три человека уставились на нее. Брисеида попыталась встать.

– О, стоп! Не так быстро, юная леди! – воскликнула женщина, Кати, ее короткие черные локоны растрепались, обрамляя овальное лицо, когда она надавила на плечо Брисеиды, чтобы та снова легла. – Если вы сейчас встанете, то потеряете сознание. Нужно действовать аккуратно.

Брисеида потрогала плечо в том месте, где его коснулась Кати: она снова ощущала давление пальцев на кожу, температура которой вновь стала нормальной.

– Да-да, пятно исчезло, – сказал более пухлый из двух мужчин. – Странно, правда? А вот меня ударили по нёбу. Меня нашли, когда я уснул на уроке, откинув голову назад и открыв рот, громко храпя. Самое страшное, что на целых две недели мои вкусовые ощущения притупились! Так что после, можешь себе представить, мне пришлось немного наверстать упущенное... – признался он ей, похлопывая себя по животу.

Второй мужчина был высоким и стройным, одетым в белый халат, как и двое его товарищей, и посмеивался, пряча усмешку за усами.

– Да оставь ты ее в покое со своими историями! – начала выходить из себя невысокая женщина. – Как будто бы ей интересно!

– То есть... – заговорила Брисеида, но резкий кашель не дал ей договорить.

Ее горло было словно забито пылью, потому что она слишком долго молчала.

– Давайте уйдите отсюда! – приказала Кати. – Дайте ей возможность дышать!

– О чем они говорили? – спросила Брисеида, когда двое мужчин отошли.

– Ни о чем важном. Простите их, они не отличаются особым умом. Но они милые. В наше время это отличное качество.

Брисеида вежливо улыбнулась ей.

– Что я здесь делаю? – спросила она спустя некоторое время.

Она решила прикинуться, будто у нее амнезия. Вероятно, это был лучший способ, чтобы справиться со сложившейся ситуацией без особых проблем.

– Как же можно этого не знать?

– То есть... Я должна быть в больнице, потому что мама отвезла меня туда, но потом...

– Да, действительно, дать вам успокоительное было не самой лучшей идеей, – призналась медсестра. – Если учесть пережитый стресс, а также длительное пребывание в аппарате МРТ, то нет, все действительно прошло не лучшим образом. Им стоило придумать какой-нибудь другой способ. Вот, выпейте, вам станет легче.

Брисеида изумленно распахнула глаза.

– Что? Вы хотите сказать, что знаете о...

– Разумеется, я все знаю! Иначе, зачем мне здесь находиться? Давайте, пейте!

– Получается, вы с ними заодно? – воскликнула Брисеида, внезапно почувствовав себя намного лучше.

– Да, понимаете, здесь я просто проводник...

– Вы даже не представляете, как мне стало легче! Они все предусмотрели! Хотя они могли бы предупредить меня! Что именно произошло? Моя мама знает?

– Не волнуйтесь, ваши родители будут проинформированы в установленном порядке. Но, пожалуйста, будьте осторожны, у стен здесь есть уши...

– О да, конечно, – негромко извинилась Брисеида. – Но вам не кажется, что мы должны связаться с моими родителями, раз уж все решилось? Знаете, моя мама не будет сердиться.

Медсестра ничего не ответила. Она нервно перебирала листы из больничной карты Брисеиды, в которых узнала несколько записей медицинского осмотра, проведенных еще в подростковом возрасте.

– Вы не ответили мне, где мой отец и Фрэнсис? Папа обещал мне, что вернется домой, когда все закончится.

Кати так резко захлопнула карту, что Брисеида аж подскочила.

– Хорошо! Похоже, вы находитесь в отличной форме, – сказала она громко. – Вы можете обратиться в приемный покой. Вам будет присвоен ваш идентификационный номер.

– Какой номер?

Кати сунула ей в руки ее пыльно-желтую сумку и подтолкнула к двери со знающим видом:

– Пожалуйста, внимательно слушайте инструкции, которые вам дадут в приемном покое.

– О да, конечно, мой и-ден-ти-фи-ка-ци-он-ный номер, – сказала Брисеида так же громко.

– На этом я вас покидаю. У меня еще много дел.

– Хорошо... – немного удивленно ответила Брисеида, а затем добавила более сдержанно: – Спасибо вам за все!

Медсестра хотела закрыть дверь, но Брисеида остановила ее:

– И еще одно: сколько сейчас времени? Мои часы больше не работают...

– Время поторопиться, – ответил та, прежде чем захлопнуть дверь перед ее носом.

Брисеида потеряла дар речи. Она находилась в большом белом коридоре, в котором не было окон. Не зная, в какую сторону идти, она отправилась наугад, держась за свою сумку, как за импровизированный спасательный круг. В конце концов, она сможет найти хотя бы дорогу назад.

За первым белым коридором последовал второй, затем третий и четвертый, ни один из которых не был ей знаком. Она и представить себе не могла, что больница такая большая. Она начала уставать. Девушка уже собиралась вернуться назад, когда увидела приоткрытую дверь. Она осторожно толкнула дверь и оказалась перед высоким чернокожим мужчиной, склонившимся над тележкой для уборки.

– Э-э... прошу прощения... – застенчиво сказала она.

Мужчина резко подскочил и встал в дверном проеме.

– Что вы здесь делаете? – рявкнул он.

– Э-э... я... – заикнулась Брисеида.

– Вы умеете читать? – добавил он. – «Вход разрешен только служебному персоналу». На двери же написано!

Он указал на табличку своей кепкой, прежде чем снова надеть ее на свою гладкую, вспотевшую голову.

Не зная, что ответить, Брисеида перевела взгляд с таблички на мужчину, который, казалось, решил скрыть от нее содержимое каморки своей внушительной фигурой, словно охранял драгоценное сокровище. Однако там не было ничего, кроме чистящих средств, хранившихся в тени на полках в конце узкого прохода. Брисеида прищурилась, не веря своим глазам: нет, здесь не было ни полок, ни чистящих средств. Все это был трюфель, нарисованный с удивительной тщательностью...

– Может быть, вы хотите, чтобы я вам помог? – прорычал мужчина с угрозой в голосе.

Она судорожно сглотнула.

– Если честно, то да...

– Если вы что-то ищете, вам нужно идти в приемный покой! – снова прорычал он, прежде чем захлопнуть дверь перед ее лицом с такой силой, что у нее волосы встали дыбом.

Брисеида мудро решила больше не беспокоить этого доброго месье. Она добилась своего: в гневе мужчина указал в сторону приемного покоя.

– Значит, сюда, – сказала она вслух, чтобы набраться храбрости и продолжить свой путь. Брисеида бодро шагала уже несколько минут, когда ее слух привлек тоненький голосок.

– Что вы ищете?

Она повернула голову. В крошечной комнате, в которой не было окон, за пустым столом сидела женщина, одетая в бледно-зеленую блузку. Ее лицо было морщинистым, а макияж – вызывающим.

– Что вы ищете? – монотонно повторила она.

– Э-э... я ищу приемный покой, – сказала Брисеида.

– Тогда вам сюда, – беспристрастно ответила женщина.

– А?

Брисеида посмотрела на дверь. На бежевой стене белым мелом неаккуратным почерком были выведены слова «Добро пожаловать».

– Странно, я хорошо знаю эту больницу, и я...

– Мы переехали из практических соображений. Так чего же вы хотите?

– Переехали? – удивилась Брисеида – В это помещение?

– Я должна повторить свой вопрос еще раз?

– Э-э-э... то есть... да, то есть нет, в этом нет необходимости...

Женщина подняла бровь, выглядела она раздраженной.

– Речь идет... об идентификационном номере.

Женщина осмотрела ее с ног до головы, достала из единственного ящика стола синий лист бумаги, из кармана рубашки вынула карандаш и начала опрос:

– Имя?

– Брисеида Ричетти.

– Возраст?

– Восемнадцать лет.

– Пол?

– Э-э... женский, – ответила Брисеида, чувствуя нелепость вопроса.

Сотрудница неодобрительно посмотрела на нее и пожала плечами.

– Никогда точно не знаешь...

Она вернулась к своей анкете. Брисеида беспокойно покачивалась, стоя перед столом.

– Регистрационный номер?

– Прошу прощения?

– Если вам удобнее, то ваш идентификационный номер, – сказала женщина раздраженно, положив документ на стол.

– Но ведь именно вы... – заговорила Брисеида.

– Вы найдете его в таблице результатов вашего теста.

– Результаты...

– На желтом бланке – результат тестов.

– Но я не...

– Но-но! – перебила женщина. – Как мы можем помочь, если вы не прошли тесты?

Вернетесь, когда получите желтый бланк.

– И куда же мне идти?

– Все очень просто. На выходе поверните налево, затем направо, затем снова направо, дважды налево, и тогда вам нужна третья дверь справа. Вы не ошибетесь, на двери написан номер 37 349. Или 73 943? Да, ну, в общем-то, не важно.

Она посмотрела на неподвижно стоящую Брисеиду.

– Ну, чего же вы ждете? Неужели вы собираетесь простоять здесь всю ночь?

– Прошу прощения, – ответила Брисеида, – но где именно я нахожусь?

– Ну... – засомневалась женщина, утратив свою уверенность, – вы находитесь на пути...

– Куда?

– Слушайте, это не моя работа – объяснять. Просто следуйте инструкциям, и все встанет на свои места.

Она прошла по кабинету, чтобы проводить Брисеиду до двери.

– Налево. Направо. Направо. Налево. Направо и третья дверь справа. До свидания.

Она захлопнула дверь, и Брисеида совершенно одна оказалась в тяжелой тишине бесконечного коридора.

Логика подсказывала, что ей следует постучать в дверь приемного покоя, требуя дополнительных объяснений. Если все это придумал ее отец, то он бы услышал ее... Но мысль о том, что придется еще раз встретиться со странным накрашенным лицом этой старухи...

– Терпение, – сказала она себе, – кто-нибудь все объяснит мне.

Прежде всего нужно найти чертов кабинет, чтобы пройти тесты...

Коридоры следовали один за другим и выглядели одинаково. Вопросы крутились в голове и мешали сосредоточиться. Что это за место, где так много бесконечных коридоров, так много развязок, но ни одного указателя? На каждом перекрестке она еще немного колебалась, изо всех сил молясь, чтобы не свернуть на неверный путь. Еще раз она не сможет найти приемный покой. Она уже отчаялась выбраться из этого лабиринта, когда наконец обнаружила дюжину людей, стоящих в очереди у двери. Табличка с надписью «Медицинский осмотр» обозначала начало очереди. Она поставила свою сумку позади молодого человека чуть старше ее. Он повернулся и улыбнулся ей. На его голове был берет, а рукава свободной рубашки были закатаны. Скрещенные подтяжки поддерживали его брюки, а на плечо он примостил большой холщовый сверток. Под ногтями у него была грязь, и он грыз веточку.

– Здравствуйте, – сказала Брисеида, довольная тем, что наконец-то разговаривает с кем-то дружелюбным. – Коридоры здесь длинные, не так ли? Я думала, что заблудилась! Вы долго ждете?

Молодой человек сделал извиняющееся лицо:

– *Eu nao falo sua lingua*^[1].

– А, ладно...

И поскольку, как ни удивительно, никто не говорил по-французски, она просто ждала своей очереди, надеясь, что она подойдет быстро.

Прошла целая вечность.

Наконец молодая женщина со строгим лицом провела ее в небольшую комнату и поставила перед ней стул. Брисеида с благодарностью села на него. Она так устала, что могла бы сразу заснуть.

– Стул не для вас, а для ваших вещей. Я только что вам это сказала, но вы совершенно меня не слушаете.

Брисеида встала и последовала за женщиной, которая закатала рукава своей розовой блузки и села за свой стол, который был единственным предметом мебели в комнате.

– Вы кто?

– Брисеида Ричетти.

Женщина пренебрежительно посмотрела на нее, затем достала блокнот.

– Ах да, мадемуазель Ричетти. Вы опоздали. Разве в вашем маленьком городке вас не научили придерживаться расписания?

– Прошу прощения?

– Расписание, – пояснила она. – Да и еще такое плотное. Вам придется приложить чуть больше усилий, если вы хотите преуспеть здесь. Вам повезло, что вас приняли в нашу школу. Вы могли хотя бы проявить немного благодарности и приехать вовремя.

– Прошу прощения, – сказала Брисеида, – но где я нахожусь? И кому я должна быть благодарна? Я бы хотела, чтобы кто-нибудь объяснил мне...

– Как это, вы не знаете?

– Нет, я ничего не знаю, а хотелось бы знать.

– А... В таком случае извините, но вам придется подождать, пока вы не сможете поговорить с кем-то из администрации. Я не должна вам что-то объяснять.

– Почему? Неужели так сложно? – вышла из себя Брисеида.

– На самом деле да. И пожалуйста, будьте вежливы. Если вы находитесь в сложной ситуации, это не значит, что вы должны быть грубы со всеми.

Она набросала несколько заметок на странице и поворчала:

– Ну что за молодежь. Они опаздывают, им на все наплевать, они никого не уважают... Из-за таких, как вы, в мире царит бардак.

– Именно потому, что я сейчас нахожусь в сложной ситуации? – сказала Брисеида, проигнорировав последнее замечание.

– Но почему мне знать, вы еще даже не предоставили мне возможности осмотреть вас! Куда ж торопитесь, молодые люди, право слово!

Она взяла себя в руки и сняла пылинку со своей бледно-розовой блузки. Затем она нашла чистую страницу в своем блокноте, аккуратно загнула уголок листочка, чтобы блокнот не закрылся, прежде чем снова заговорить.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

– Хорошо, – сказала женщина и старательно поставила галочку в небольшой графе.

Она спокойно разглядывала написанное, прежде чем поднять голову.

– Вы хорошо засыпаете?

– Без проблем, – ответила Брисеида, подумав, что сейчас она могла бы воспользоваться случаем и наглядно продемонстрировать ей это.

– Сколько сигарет вы выкуриваете за неделю?

– Что? Я... я не курю...

– Ну, вы выпиваете, суть одна, – сказала женщина, ставя очередную галочку.

Брисеида собиралась возразить, но та не дала ей времени:

– Вы хотели бы обсудить какую-то конкретную тему? О вреде шума, солнца, образования, недоедания, лекарств, психологии? О конкретной проблеме? Проблемы в семье, половая жизнь, стресс?

– Э-э-э...

– Нет, ну ладно, – сказала женщина, ставя галочку в другой графе. – Подойдите сюда.

Брисеида обошла стол и встала рядом с ней.

– Снимите верхнюю одежду.

Брисеида подчинилась, и медсестра надела ей на руку прибор для измерения

артериального давления.

– Идеально! Нужно сделать пятьдесят наклонов. Но будьте внимательны, никакого обмана, я считаю вместе с вами!

Брисеида посмотрела на нее в недоумении. Она едва могла стоять на ногах... Но ее собеседница, похоже, не была намерена менять свое мнение, а чтобы выбраться из этого кошмара, Брисеиде нужна была ее помощь.

– У вас есть проблемы с глазами, ушами? – продолжала женщина, когда Брисеида начала нагибаться.

– Насколько мне известно, нет...

– Так ответ «да» или «нет»?

– Ответ – нет. – Новая пометка на бумаге.

– Вы принимаете таблетки?

– Нет.

– Значит, презервативы.

– Тоже нет...

Женщина отложила ручку, чтобы посмотреть ей прямо в глаза, отчего Брисеида сделала несколько странных гимнастических движений.

– Разве вы не предохраняетесь? – К счастью, Брисеида уже была красной из-за упражнения.

Она лишь глупо улыбнулась и прошептала:

– Просто... Мне предохранение пока не очень нужно...

– А-а-а! – вдруг разочарованно протянула женщина. – И он думает, что знает все...

Новый квадратик помечен.

– Осталось двадцать пять раз, не расслабляйтесь.

Брисеида больше не могла терпеть. Только отчаяние давало ей силы продолжать заниматься таким абсурдным делом. Она отправилась на поиски отца, чтобы наконец понять, что с ней происходит. Вместо этого она стояла в бюстгальтере, делая наклоны, пока они говорили об ее половой жизни.

Гротеск.

– Можете ли вы назвать три заболевания, передающиеся половым путем?

– Что... что мне... назвать их?

Женщина щелкнула ручкой, ожидая.

– Ну... В общем... есть... СПИД... и другие...

– И другие?

Женщина вздохнула, выглядя раздраженной, и резко перечеркнула еще одну графу в своем бланке.

– Ваше невежество может дорого вам обойтись. Надеюсь, вы это осознаете? Подцепить такие болезни очень легко. Пятьдесят, вы можете остановиться.

Брисеида оделась и подошла, чтобы опереться на стол, дабы не упасть. Перед ее глазами плясали звезды, она дрожала, как лист.

– Пожалуйста, почувствуйте себя как дома, – с упреком сказала женщина.

В задней части комнаты открылась дверь, которую Брисеида не заметила, и вошел мужчина лет пятидесяти, одетый в огромную белую мантию.

– Вы почти закончили? – спросил он.

Женщина вскочила на ноги и почтительно поприветствовала его.

– Юная леди, распишитесь здесь и следуйте за мной.

– Спасибо, Марлен, – мягко произнес мужчина, как только Брисеида поставила свою подпись. – Разве вы не собираетесь отдать ей сумку?

– Да, конечно, – вздохнула медсестра, поднося сумку к Брисеиде. – Я надеюсь, что вам понравится у нас.

– Спасибо...

Женщина натянуто улыбнулась:

– Это я благодарна вам. Всегда пожалуйста.

И пока она ждала продолжения, застыв в вынужденном поклоне, мужчина кашлянул:

– Марлен? Не откроете ли вы дверь для следующего человека?

– Да, конечно, разумеется...

– Мадемуазель, прошу вас следовать за мной.

Мужчина прикрыл за Брисеидой дверь, прежде чем в комнату вошел следующий человек.

– Вам придется простить ее, – сказал он, когда они снова остались одни. – Люди, которые здесь работают, доброжелательны, но не всегда очень... ну, не очень предусмотрительны.

– Мне нужно было взять свой идентификационный номер и отдать его в приемный покой...

– Не волнуйтесь, Марлен позаботится об этом.

И снова очень длинный коридор. Но на этот раз по обе стороны были расставлены большие стеллажи. Простыни, одеяла и одежда были аккуратно разложены на полках.

– Меня зовут Дориан, – сказал мужчина, рассеянно проводя пальцем по этикеткам в одном из рядов. – Я – стражник, и я здесь, чтобы объяснить вам несколько вещей, прежде чем я отпущу вас в вашу комнату. Там вы сможете отдохнуть.

– Моя комната? Я останусь здесь надолго?

Он шел быстро, и ей пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от него. Наконец-то она получит ответы.

– Вы здесь потому, что высокопоставленные лица сочли вас достойной обучаться тут, – серьезно сказал стражник. – Прежде всего вы должны знать, что немногим уготована подобная честь. Вот, это для вашей комнаты.

Он остановился и протянул ей стопку постельного белья. Брисеида чуть не врезалась в него.

– Мадемуазель...

– ...Ричетти.

– Мадемуазель Ричетти, то, с чем вы столкнетесь за этими дверями...

Дориан указал на коридор. Она повернулась.

– ...это, конечно, выше вашего понимания. За этими дверями скрывается одно из самых необычных мест в мире.

Его глаза заблестели. Брисеида смотрела на него, ничего не понимая.

– Так... что там такое? – спросила она.

– Это место называется Цитаделью, – сказал стражник. – Когда-то давно Цитадель возникла по взаимному соглашению между лидерами великих государств, и ее работа продолжается по сей день. Она хранит все секреты человечества и может дать объяснение всему. В этом месте была создана школа, и каждый день тысячи учеников проходят по этой

земле. Как и вы, они были избраны, чтобы строить будущее, опираясь на знания прошлого.

Брисеида взгляделась в лицо мужчины. Он выглядел очень серьезным.

– Должно быть... впечатляюще... – пробормотала она, чтобы не обидеть его. – Я никогда не слышала об этом месте.

– Цитадель слишком ценна, чтобы открывать ее для всех, – ответил стражник кивая. – Такое количество сокровищ, собранных в одном месте, могло бы привлечь целые толпы людей. Была создана очень строгая система отбора. И вы, мадемуазель Ричетти, были выбраны. С этого момента вы являетесь частью Элиты.

Он подкрепил свое заключение широкой улыбкой:

– Ну, разве это не потрясающе?

– Э-э-э... Пожалуй... Это отец послал меня сюда? Люсьен Ричетти.

– К сожалению, я не могу раскрыть процесс отбора, поскольку он является конфиденциальным.

– Но ведь именно он помог вам доставить меня сюда, верно? Он здесь? Я могу его увидеть?

– Скоро вы сможете написать своим родителям.

– Но... та дама, с которой мне удалось поговорить, когда я только проснулась, кажется, знала его, она даже жаловалась на его методы, на МРТ...

– Как зовут эту даму? – спросил мужчина в белом, его лицо внезапно посуровело.

Брисеида уже хотела ответить ему, но передумала:

– Я не помню.

– Но она рассказала вам об аппарате МРТ.

– Если честно, это я рассказала ей об этом, но она, похоже, не поняла... Наверное, я ошиблась.

– Вот ваша униформа, – сказал мужчина более расслабленно, добавив к стопке белья безупречно отглаженный ярко-синий костюм и пару совершенно новых, начищенных черных туфель. – Вы увидите, Цитадель – настоящее великолепие.

– В коридоре, где я ждала, были люди, которые не говорили по-французски...

– Вы должны знать, мадемуазель, что наши студенты приезжают со всего мира. Я оставлю вас здесь. Если у вас возникнут дополнительные вопросы, ваши одноклассники будут рады ответить на них. Чтобы попасть в свою комнату, поверните налево, поднимитесь на два лестничных пролета, затем первый поворот направо, седьмой поворот налево, поднимитесь на три лестничных пролета, затем дважды направо, вам нужна пятая дверь справа. Удачи...

Ее пальцы нервно пробежались по новому пиджаку. Маленькие пуговицы с гравировкой в виде дракона украшали переднюю часть. На плече был вышит французский флаг.

Было ли все это реальностью? Брисеида не могла связать вместе две последовательные идеи воедино. Хотелось спать...

Она посмотрела вверх, пытаясь вспомнить указания стражника. Не стоило совершать ошибку, находясь так близко к цели. Где-то рядом ее ждала кровать.

Она собралась с силами и отправилась в путь. Коридоры следовали один за другим, и ей так и не удалось встретить никого или найти какие-либо подсказки, которые позволили бы ей лучше ориентироваться в этом странном месте. Но она прибыла в пункт назначения, и это было главное.

За пятой дверью она обнаружила небольшую комнату с восемью двухъярусными кроватями. Брисеида заметила выключатель света справа от себя. Галогенная лампа зашумела. Она уже собиралась положить свою сумку на ближайшую кровать, когда из ниоткуда раздался голос:

– Как тебя зовут?

Брисеида ударила головой о верхнюю кровать.

– Брисеида... – сказала она в пустоту.

Вдруг с верхних коек высунулись четыре всклокоченных головы. Четверо парней изумленно уставились на нее. Один из них засмеялся:

– Девочка! О, вот так-то лучше! – И все разразились смехом.

– Что тут смешного?

В тусклом свете она едва могла различить их лица. Должно быть, они были примерно ее возраста.

– А ты знаешь много женщин, которые занимаются политикой? – сказал один из них. – Их настолько мало, что для них даже не построили женское общежитие!

– В политике? – уточнила Брисеида.

– Ну да, то есть при власти.

– Заметьте, – отозвался третий, – подобное встречается все чаще и чаще. Веяние моды, но скоро женщины успокоятся.

– Да, но им лучше не играть в эту игру слишком долго, иначе будут горько об этом сожалеть, – добавил четвертый.

– Что ты хочешь этим сказать? – возмущенно спросила Брисеида.

Но она не была уверена, что хочет спорить. Ее кровать была так рядом...

– Ну да, – сказал он, вставая, чтобы лучше ее рассмотреть. – Женщины слишком непредсказуемы.

Трое других согласились с ним, давась издевательским смехом.

– Я Уиллис, – сказал парень, который первым задал ей вопрос. – Уиллис Фердинанд.

Его пепельно-русые волосы, румяные щеки и уверенные жесты производили впечатление, что он вырос в хорошей семье. Он занял ближайшую к двери кровать. Парень повернул голову, чтобы кивнуть темноволосому мальчику с большими зубами, сидящему позади него.

– Это Аксель Олсен. – Тот кивнул.

– Дурачок позади – Бенджи Лоренц.

Бенджи был высоким парнем с длинными каштановыми волосами, который считал, что девушки «слишком непредсказуемы». Несмотря на свои костлявые руки и слегка горбатый нос, он излучал определенный шарм.

– И, наконец, Пьер Дюль.

Все, что она разглядела в Пьере, – это руку, протянутую в знак приветствия.

– Вы давно здесь? – спросила она.

– Прибыли сегодня, – ответил Уиллис. – Все мы в одном месяце.

– В одном месяце?

– Каждый месяц и в каждой стране создается один новый класс. Во всех классах по восемь человек.

Брисеида огляделась. Еще три кровати пустовали.

– У остальных есть время до десяти часов завтрашнего утра, чтобы явиться, – добавил Уиллис. – Или тогда им придется вернуться домой. Я думаю, дело в следующем: если человек не может прийти вовремя, ему нечего делать в таком месте.

– Все же нужно знать, куда прибыть, в какое время и с какой целью, – заметила Брисеида. – Лично мне никто и ничего не объяснил.

– Ты же должна была понимать, что с тобой что-то происходит? – сказал Пьер, вставая с кровати. – Мы все кое-что подозревали.

Бледность его лица в сочетании с очень светлыми волосами и темными глазами придавала ему немного пугающий вид. Зеленоватый свет в комнате только усиливал ощущение.

Остальные кивнули, и Уиллис объяснил:

– Жизнь – это не просто череда случайностей. Есть элита, которая заставляет мир развиваться. И, конечно, мы являемся частью этой элиты.

– Конечно... – прошептала Брисеида. – Как долго мы должны оставаться в этой... этой школе?

– Девять месяцев, – ответил Уиллис тоном, не терпящим возражений.

– Тогда мне придется сначала съездить домой, – торопливо проговорила она.

– Ну, ладно, – рассмеялся Бенджи.

– Ты не можешь вернуться домой, – объяснил Уиллис. – Вообще не можешь. Не советую.

Кроме того, никто и никогда не выбирает возвращение домой. Нам ведь предоставили такой шанс!

Брисеида медленно кивнула. В ее семье наступил тяжелый период, и о том, чтобы исчезнуть на девять месяцев, не могло быть и речи...

– Ты выглядишь совершенно измотанной, – сказал Уиллис, прежде чем она успела снова открыть рот. – Завтра станет легче... Вот увидишь, все будет гораздо понятней. Мы дадим тебе поспать.

Спать...

Кровать звала ее к себе. Уиллис выключил свет. Со стороны кровати Пьера уже доносился приглушенный храп.

Брисеида сдалась. Она набросила простыню на матрас и легла, не снимая одежды. Она вздохнула с облегчением, сбросив кроссовки. Подушка была невероятно мягкой. Не успела она натянуть на плечи шерстяное одеяло, как на нее обрушилась волна сна.

Следующим утром, когда Брисеида открыла глаза, Аксель, сидя на кровати напротив, улыбался ей, демонстрируя свои большие зубы. Он облачился в свою форму.

– Пора, – просто сказал он, прежде чем встать. – Мы подождем за дверью. Тебе нужно переодеться.

Аксель вышел в коридор, осторожно прикрыв дверь.

Брисеида чувствовала слабость. Во рту было сухо, губы потрескались. Если она действительно находилась где-то далеко от дома, то могло пройти несколько дней, прежде чем она окончательно осознает этот факт. Дома, должно быть, очень волновались за нее. Ей нужно было как можно скорее вернуться.

Она встала, и перед ее глазами заплясали маленькие звездочки. Она не могла никуда пойти, не проглотив чего-нибудь. Ее взгляд упал на форму. Разумнее всего было пока надеть ее. После она примет решение.

Ее ярко-синий костюм был легким и очень удобным, а также похож на костюмы парней, но в то же время идеально облегал ее женственные формы. Он выглядел так, как будто был сшит по ее меркам. Жаль, что в комнате не было зеркала и она могла хотя бы несколько мгновений полюбоваться своим нарядом, пока не вернула его обратно. Брисеида никогда не носила ничего столь шикарного. Ее пыльно-желтая сумка, висевшая на плече, смотрелась блекло на фоне безупречно скроенного пиджака. Она сложила в сумку джинсы, джемпер и кроссовки на случай, если не вернется в эту комнату, надела начищенные туфли и выскользнула из комнаты.

Пятый юноша ждал вместе с остальными.

– Здравствуйте, – застенчиво сказала она.

– Привет, – ответил Уиллис. – У нас пополнение: Квентин Разьер. Он приехал сегодня рано утром. Квентин, это Брисеида. Она – девчонка.

– Думаю, он заметил, – тихо сказал Бенджи, прислонившись к стене.

Он собрал свои каштановые волосы в хвост, чтобы открыть нижнюю часть выбритой головы.

– Куда ты собралась со своим добром? – спросил Бенджи, указывая на ее наплечную

сумку.

– Никуда... Приятно познакомиться, – добавила она, протягивая руку Квентину, чтобы перевести разговор в другое русло.

Тот, проведя рукой по своим черным волосам, протянул левую руку вместо правой. На безымянном пальце у него был перстень. Такой неловкий момент вызвал смех у Пьера и Аксея, а Квентин в очередной раз поправил волосы, чтобы хоть немного успокоиться.

– Голодна? – произнес Уиллис. Брисеида кивнула.

– Ну, раз уж все собрались, пойдёмте!

Длинные узкие коридоры вскоре сменились широкими, выложенными грубым камнем переулками, напоминающими проходы средневековых монастырей с искусно оформленными колоннадами. Через эти высокие проемы Брисеида наконец-то смогла разглядеть это место: она потеряла дар речи. Она находилась в настоящей Цитадели – Дориан использовал именно этот термин – гигантской крепости. Снаружи разместились башни, дворы, маленькие домики, встроенные между разными уровнями стен вплоть до последней, которая защищала большой нижний город и множество крыш, выложенных красной черепицей. Изнутри здания тянулись, как скалы, все выше и выше, докуда хватало взгляда. Средневековое здание расширялось на протяжении веков, постепенно вбирая в себя архитектурные следы самых разных эпох и культур. Идеально подобранная смесь множества стилей придавала Цитадели элегантность и мощь, подобных которым Брисеида еще не видела. Каждое новое открытие лишало ее дара речи. Фасад огромного египетского храма, ведущего к каскаду лестниц, выполненных в духе готического собора; бирманский дворец с покрытой золотом крышей, к которому вел подвесной мост, построенный, казалось, в прошлом тысячелетии... Ей приходилось щипать себя, чтобы убедиться, что она не спит.

– Прекрасно, не так ли? – прошептал Уиллис ей на ухо.

– Как такое чудо может оставаться скрытым от мира? – удивлялась она, заметив большой фонтан из слоновой кости, выложенный, подобно африканскому кружеву, посреди квадратной площади из безупречно белого материала.

– Не от всего мира, а только от большей его части, – поправил Уиллис. – Вот увидишь, однажды каждый будет иметь право попасть сюда. Но пока большая часть человечества не готова к этому.

После десятиминутной прогулки они добрались до столовой. Величественные люстры свисали с потолка роскошного зала, который был размером с зал ожидания на вокзале. Стены украшали огромные гобелены, а окна обрамляли тяжелые красные шторы. На каждом круглом столе, покрытом вышитой скатертью, сверкали серебряные столовые приборы. Около тридцати групп студентов уже заняли свои места. Хотя все еще прибывали новые. Ее соседи по комнате оказались правы: Брисеида заметила только одну девушку, сидевшую чуть дальше, посреди группы молодых парней. На ее плече был вышит финский флаг. Брисеида улыбнулась ей, и девушка вежливо ей ответила.

Они сели за один из столов. Мужчина в рубашке с широкими рукавами, на которых чередовались красные и желтые полосы, принес им напитки. На нем были старомодные бриджи, которые были тоже широкими, и остроносые сапоги. Его шляпу украшали три величественных страусовых пера.

– Вот это костюмчик, – проворчала Брисеида, как только официант ушел, а Пьер, Аксель и Квентин рассмеялись.

– Люди, которые работают в Цитадели, все разной национальности, – объяснил Уиллис,

неодобрительно глядя на трех парней. – Иногда им трудно сориентироваться, поэтому им разрешается надеть праздничный костюм своей страны. Чтобы лучше сохранить свои корни. Но я должен признаться, что понятия не имею, откуда родом этот парень...

Мужчина вернулся с большим подносом, на котором лежали венская выпечка, булочки, хлопья и фрукты. Сладкий запах круассанов возбудил аппетит Брисеиды. Она с наслаждением вгрызлась в тесто, еще теплое, хрустящее до совершенства. Она никогда не пробовала ничего вкуснее.

– Должно быть, у них много денег, чтобы содержать такое место, – заметил Пьер, осматривая люстру, держа огромный кусок печенья в руке.

– И это еще не все, – сказал Уиллис. – Я приехал вчера рано утром, у меня было время для осмотра. Нам разрешено ходить везде, кроме той территории за большой дверью в центре Цитадели, – сказал он, указывая на заднюю часть зала. – Вы можете ходить туда только во время занятий в сопровождении стражника. С этой стороны находятся только общежития. Именно здесь хранятся все секреты Цитадели... и человечества!

Он дал группе время рассмотреть огромную двустворчатую дверь из цельного дерева, которая возвышалась за столами, и был доволен произведенным эффектом.

Брисеида на мгновение задумалась. Все секреты?

– Именно так, – добавил Уиллис, словно отвечая на ее немой вопрос, – все неразгаданные тайны, все то, что вы когда-либо хотели понять о нашем мире, но не представляли, что когда-нибудь найдете ответы. Ответы существуют. Они прямо за этой дверью. Но на этой стороне уже так много интересного! Каждая комната представляет собой архитектурную концепцию, вы заметили? Цитадель – это гигантский музей.

– При таком большом пространстве возникает вопрос, почему наше общежитие такое маленькое, – заметила Брисеида.

– Оглянись вокруг, и ты получишь ответ, – сказал ей Уиллис. – Только в этой комнате нас, должно быть, не менее трехсот человек. В Цитадели проживают тысячи людей. И нужно как-то их всех разместить...

– Я думала, что Цитадель только для элиты... – сказала она, забавляясь.

– По сравнению с остальным миром здесь не так уж и много людей, но это все равно достаточно. Восемь человек в классе, и по одному классу от страны в месяц. Неплохо...

– И каждый класс живет здесь девять месяцев?

– Девять месяцев – время для возрождения, – уверенно сказал Уиллис.

Брисеида пребывала в задумчивости, представляя себя живущей в подобном месте. Не так уж и плохо... Но ее мысли быстро вернулись к матери, находившейся где-то в окрестностях. Девять месяцев... Это же целая вечность.

– Но это невозможно, – вдруг поняла она, – как же можно не заметить, что столько людей пропало?

– Семьи учащихся предупреждены. А Цитаделью управляют очень высокопоставленные люди, у которых есть рычаги влияния на все СМИ. Если кто-то попытается провести расследование, то в ответ обязательно придумают какую-нибудь историю. И потом, несколько человек на страну – это ничто. Они говорят, что мы отправились в путешествие на другой конец света, и все. Через девять месяцев человек появляется вновь, как по волшебству, и словно ничего не произошло.

– Но как они могли скрыть от мира такое большое сооружение? И где именно мы находимся?

– А это большая тайна, – сказал Бенджи с ухмылкой. – Никто не знает. Не уверен, что даже стражники знают.

– Как они возвращаются домой вечером, если не знают о местоположении?

– Они не возвращаются домой, – ответил Уиллис. – Ни они, ни проводники, ни другие служащие Цитадели. Все они живут здесь, в крепости.

– И все же кто-то должен снабжать эту крепость.

– Курьеры останавливаются у ворот нижнего города. Они понятия не имеют, что находится за этими стенами. Снаружи Цитадель выглядит как старый замок, превращенный в военный лагерь.

Брисеида нахмурилась. Такое казалось невероятным. И все же... Умные политики, наверное, могли бы спрятать замок даже при наличии спутников... Но почему *ей* разрешили попасть сюда? Что в ней было такого, чего не было в других?

Зал постепенно заполнялся. Около пятисот человек разговаривали, ели и смеялись рядом с ними. Нетрудно было отличить новичков от стареньких учеников, которые вели себя совершенно непринужденно. Веселые разговоры велись на всех языках. Она узнала парня, с которым разговаривала накануне в медицинском центре. Он сменил свой крестьянский наряд на форму, идентичную ее собственной, за исключением португальского флага, вышитого на его правом плече. Он, кажется, хорошо адаптировался в своей группе.

– Всем здравствуйте, я привел вам новенького, – объявил голос за ее спиной.

Брисеида повернулась и узнала стражника Дориана, которого сопровождал рыжеволосый юноша с застенчивой улыбкой.

Уиллис вскочил на ноги.

– Привет, добро пожаловать, меня зовут Уиллис!

Парень поприветствовал его, когда Уиллис представил остальных:

– Это Аксель, рядом с ним Бенджи, Пьер, Квентин и Брисеида. Именно с нами ты будешь жить в течение следующих девяти месяцев. Увидишь, обстановка вокруг потрясающая. Как тебя зовут?

– Кристоф... Кристоф Геркан... – тихо ответил юноша.

– Кристоф? Замечательно. Вот еще осталось два свободных стула.

– Ну, поскольку я вижу, что все в порядке, – улыбнулся Дориан, повеселев, – я оставлю вас...

– Разве нас не должно быть восемь? – Дориан на мгновение замешкался.

– Да... Но восьмой не придет. У него появились трудности.

– Трудности, как же, – усмехнулся Бенджи, когда стражник ушел. – У него просто не получилось, вот и все.

– Что ты хочешь сказать?

– Не все выживают после перехода.

– Какого перехода?

– Того, который привел нас сюда, дурачок. Как, по твоему мнению, ты попал в Цитадель?

– Я не знаю, – немного неуверенно сказал Аксель, – я заснул и проснулся здесь. Я ничего не видел.

– Конечно, – рассмеялся Бенджи. – Ты же не думал, что они позволят тебе узнать дорогу в Цитадель!

– И что с того? – спросил Уиллис. – Достаточно простого снотворного, и нет

необходимости суесться.

Бенджи в ужасе уставился на него.

– Именно. Если бы он просто заснул, то никакого несчастного случая не произошло бы.

– Я же говорил, он сумасшедший, – рассмеялся Уиллис. – Он слетел с катушек, не обращайтесь внимания на то, что он говорит.

Брисеида заговорила:

– Я болела до того, как попала сюда. У меня было какое-то красное пятно на шее, какая-то странная аллергическая реакция. Вчера, когда я проснулась здесь, все исчезло.

Бенджи с любопытством посмотрел на нее, но Уиллис просто пожал плечами:

– В Цитадели находится крупнейший в мире медицинский исследовательский центр. Они точно могли вылечить тебя. Это никак не связано.

– Может быть, а может, и нет, – сказал Бенджи. – Рано или поздно мы все узнаем.

– Как мы узнаем? – спросил Квентин, проводя рукой по волосам.

– Мы здесь, чтобы раскрыть секреты Цитадели, – сказал Бенджи, не сводя глаз с Уиллиса.

– Дверь! – воскликнул Аксель, указывая на дальнюю часть зала.

Стражник в белой мантии подошел к большому чугунному колоколу, поддерживаемому прочной деревянной аркой. Он схватился за веревку, висевшую под колоколом, и точным жестом позвонил в него три раза. Еще шесть стражников в белых одеждах торжественно подошли к большим дверным створкам, ухватились за два огромных кольца, вделанных в резное дерево, и со всей силы потянули. Медленно распахнулись двери, открывая вход в храм знаний.

– Пора! – воскликнул Уиллис, вскакивая на ноги.

Он следил за перемещениями учеников старших классов, которые уже направлялись к главной двери.

– Быстрее, быстрее! – добавил он, видя, как Кристоф, который так и не успел поесть, набивает карманы выпечкой.

Брисеида колебалась. Должна ли она сразу же найти отделение администрации? Но здесь было так много народу, а место было таким громадным, что она боялась заблудиться, поскольку до сих пор получила лишь несколько скудных объяснений. Может быть, если она подождет до конца утренних занятий... Прошло уже больше суток с тех пор, как она рассталась с матерью, еще два-три часа ничего не изменят. Огромные таинственные двери манили ее, как лампа мотылька. *Несколько часов*, пообещала она себе и, схватив сумку, последовала за остальными. Потом она пошла бы посмотреть, чем занимался ее отец...

Двадцать или около того стражников в белых мантиях на не менее чем двадцати различных языках направляли группы, распределяя студентов, сгрудившихся у входа.

– Как они смогут организовать свою работу, если не говорят на одном языке? – спросила она Уиллиса.

Гораздо проще было бы говорить даже на очень плохом английском.

– О, они понимают друг друга. Стражники отбираются по знанию языков. Все они владеют множеством языков и пользуются ими очень хорошо: до сих пор я не встретил ни одного, кто не говорил бы в совершенстве по-французски.

– Наверное, это потому, что мы во Франции, – заметила Брисеида, пожав плечами.

Уиллис рассмеялся:

– Ты – француженка! Французы всегда считают себя центром мира! Вероятность того,

что Цитадель находится во Франции или в другой любой стране, одинакова.

Сердце Брисеиды учащенно забилося.

– То есть, возможно, мы сейчас не во Франции? Как ты думаешь, могли ли нас вот так взять и увезти на другой конец света, никому не сказав и без нашего ведома? – Она пыталась убедить саму себя. Это было невозможно. У нее даже не было действующего паспорта. Должно быть, она была где-то во Франции.

– А если бы мы были во Франции, как ты думаешь, как бы они поступили с другими студентами?

– Французы! Французы первого месяца, сюда! – крикнул бритоголовый стражник.

Они двинулись в его сторону.

– Сюда, следуйте за мной! – показал он жестом. Рядом с ней крикнул другой стражник:

– *English third month, over here please!*^[2]

Стражник пригласил их следовать за ним в большой коридор, выложенный грубым гранитом. По ту сторону большой двери свет казался ярче. Воздух был свежим и прохладным, наполненным сверкающими частицами пыли. Они танцевали в потоках воздуха и создавали странную мистическую атмосферу – нереальную, неопишемую. Брисеида почувствовала озноб.

Спустя пять минут, когда они отошли от толпы студентов, стражник привел группу в круглую комнату. Их ждал невысокий мужчина с потрепанной козлиной бородкой и лысой головой. Он был одет в золотую мантию, рукава которой были закатаны, обнажая большие волосатые руки и часы из чистого золота.

– Займите свои места, – с энтузиазмом сказал он.

Лучи солнечного света проникали с потолка через стеклянный купол, заливая светом большой хрустальный журнальный столик, стоящий в центре комнаты и окруженный восемью подушками. Мужчина сел на единственный табурет.

– Вы прибыли в Цитадель, – начал он с теплотой в голосе. – Это впечатляет, не так ли? И все же вы еще ничего не видели. Я помню, как делал здесь свои первые шаги, будучи студентом...

Он тяжело вздохнул:

– Самые прекрасные воспоминания моей юности. Постарайтесь извлечь максимальную пользу для себя, не у каждого есть такая возможность. Девять месяцев – это очень короткий срок. После этого у вас, как и у меня, в голове будет только одна мысль: вернуться сюда.

По правде говоря, ему было так хорошо здесь, что он больше не уходил. Он называл себя педагогом Доном Каллисом и после окончания школы остался преподавать. Цитадель была его маленьким раем, говорил он. И ни за что бы не уехал отсюда.

Уиллис не мог не представить всех в свойственной ему манере, и педагог, казалось, впервые заметил присутствие Брисеиды.

– Так-так-так, барышня, – сказал он, моргая своими маленькими любопытными глазками. – Знаете ли вы, юная леди, что являетесь в своем роде первопроходцем?

– Я слышала, что здесь не так много девушек, – неуверенно ответила Брисеида.

– Не так много? Слабо сказано! Я преподаю в этой школе уже тридцать лет, и каждый

год через мой класс проходят более четырехсот учеников. Но у меня были только две девочки. Что вы хотите, сегодняшней мир – это мир мужчин...

Подобное заявление вызвало одобрителный ропот. Брисеида не знала, обижаться ей или чувствовать себя польщенной. Она все меньше и меньше понимала, чем заслужила возможность присутствовать в столь редком месте.

Педагог продолжил:

– Утром у вас будут интерактивные занятия в небольшой группе со мной или другими педагогами. Во второй половине дня вы отправитесь в ораторий, где пройдут лекции. Я попрошу вас быть внимательными. Урок может показаться вам скучным, и у вас может возникнуть соблазн пропустить занятие и пойти осмотреть Цитадель своими глазами.

Когда Уиллис запротестовал, он одобрително кивнул:

– Да, да, так и будет. Поверьте, многие студенты реагируют именно так. Но я также знаю, что вы серьезно отнесетесь к моему предупреждению и будете вести себя должным образом: мы здесь, чтобы направлять вас в процессе познания Цитадели. Не надо никуда спешить. Ответы на ваши вопросы откроются достаточно скоро, повторюсь, если вы будете соблюдать правила игры. Хочу подчеркнуть: не все ученики заканчивают обучение, вам придется ежемесячно доказывать, что вы заслуживаете свое место.

Все кивнули в знак согласия, кроме Бенджи, который вызывающе посмотрел на учителя. Возник вопрос, понял ли он смысл сказанных слов. Педагог сделал вид, что ничего не заметил.

– Я настаиваю на этом, тем более что с самого начала вас уже меньше. Группы, которые остаются полными к концу курса, встречаются редко, но Франция всегда была лучшей в этом отношении. Во время обучения вы будете общаться со студентами со всего мира, которые однажды вернутся домой, чтобы возглавить свою страну, и увезут с собой образ Франции, который создадите именно *вы*. Я от всего сердца надеюсь, что Франция потом не будет кусать локти. Держитесь вместе, работайте вместе, и все будет хорошо.

Брисеида заерзала на подушке, чувствуя себя неловко. Ей не следовало ждать. Она должна была с самого начала рассказать им о своих намерениях. Теперь, когда ее решение могло запятнать будущее ее группы и имидж страны, уйти будет гораздо сложнее.

– О, и последнее: студентам, которые отучились уже несколько месяцев до вас, запрещено рассказывать вам о своих открытиях. Несмотря на то что они несут полную ответственность за свои действия, вы окажете им большую услугу, сохраняя дистанцию. Несчастные случаи происходят так внезапно...

Какое-то время преподаватель, не отрываясь, смотрел на Бенджи. Потом весело продолжил:

– Хорошо! На протяжении этих девяти месяцев вы узнаете, что культура, искусство и традиции – все это важные элементы для понимания механизмов социальной сплоченности народа. Абсолютно все, что когда-либо было построено, изобретено или придумано, находится в Цитадели. Благодаря своей невероятной этнической коллекции Цитадель смогла проанализировать эволюционные циклы цивилизаций на протяжении веков и по-новому рассмотреть экзистенциальные вопросы человечества. Цитадель делает все возможное, чтобы люди извлекали пользу из сделанных ею открытий. Именно здесь постигали азы своего искусства величайшие политики, бизнесмены, инженеры, философы, художники, поэты, музыканты... Все те, кто вносит свой вклад в развитие мира. А теперь наступила ваша очередь. Только представьте себе, что вас ждет, что вы сможете создать с помощью всех

этих знаний!

Парни шире распахнули сияющие глаза, уже покоренные одним только обещанием стольких сокровищ. Педагог поглаживал свою козлиную бородку двумя пухлыми пальцами, явно довольный произведенным эффектом.

– Но всему свое время. Сначала давайте зожим фундамент.

Он скрестил пальцы на пухлом животе, лукаво наблюдая за ними.

– Кто из вас может сказать мне, что мы будем изучать сегодня? Кроме месье Бенджи Лоренца, конечно.

– Вы собираетесь рассказать нам о культуре, – предположил Аксель, подняв палец.

– И как же вас зовут?

– Аксель Олсен.

– Будьте осторожны, месье Олсен. Культура – понятие несколько расплывчатое.

– Политика? – негромко предложил Кристоф.

– Тоже нет.

– Маркетинг? – прошептал Квентин.

– Нет, нет, совсем не то. Вы должны добраться до корней проблемы. Что лежит в основе всей цивилизации? В этой комнате вы можете найти подсказки.

Брисеида огляделась. Комната была почти пуста: стол, вокруг которого они сидели, закрытый шкаф в углу. Все послушно оглядывались по сторонам в поисках хоть какой-нибудь зацепки. Глаза Бенджи были прикованы к округлой стене. Брисеида недоумевала, на что он смотрит, как вдруг увидела на осыпающемся камне несколько геометрических фигур, рисунок выцветшей, полустертой фрески.

– Немного напоминает пещерную живопись, – размышляла она вслух.

– Это правильный и подробный ответ, – сказал педагог.

– Наш урок будет посвящен первобытному обществу? – поинтересовался Уиллис.

– Вам кажется, что подобная тема неуместна? Данный курс посвящен не истории первобытного общества, а зарождению живописи.

Брисеида прищурилась, чтобы лучше разглядеть фигуры.

– Похоже на символы.

– Точно! – воскликнул педагог. – Похоже, что присутствие девушки в группе приносит пользу! Действительно, темой нашего первого занятия является символизм.

Он улыбнулся и встал, чтобы достать что-то из шкафа.

– Термин «символ» произошел от греческого *symbolon*, что означает метка, указатель, знак.

Он вернулся на свое место, держа в руках небольшую черную коробочку.

– Символ встречается повсюду: в пещерах первобытного человека, на предметах религиозного культа и даже на наших современных рекламных вывесках. Сочетание символов образует язык; в одиночку символ несет в себе идентичность человека, группы, народа. Не заблуждайтесь: простота его функций ни в коей мере не умаляет его мощности, скорее наоборот. Представьте себе целую армию солдат, сильных, как медведи, скачущих галопом за знаменем императора. Представьте, как яркие цвета флага развеваются на ветру, вызывая у мужчин пламенный прилив патриотизма каждый раз, когда они смотрят вверх. Они маршируют, как один, под бой барабанов, идут вперед на неизвестную территорию, считают себя непобедимыми; и они правы. Ибо, уходя побежденными, они уже победили. Но что такого особенного в этом знамени, простом куске крашеной ткани, что придает им

столько мужества? Ничего. Ничего, кроме того, что он принадлежит им, всем им. Это то, что их объединяет, сближает, определяет. Это их идентичность. Уберите его, и все, что останется, – это изможденные люди, блуждающие в нелепом мире... Символ отражает не только закрепленное соглашение между несколькими людьми. У него также есть своя жизнь. Как еще можно объяснить тот факт, что один и тот же символ используется в одинаковых обстоятельствах народами, которые никогда не контактировали друг с другом? Теперь я прошу вас посмотреть вверх.

Он указал на куполообразный потолок, поддерживаемый огромной конструкцией из кованого железа.

– Посмотрите внимательно на железные завитки: можете ли вы различить какие-либо линии? Какой-то символ?

Брисеида подставила к глазам ладонь козырьком, чтобы защититься от пробивающихся солнечных лучей. Детали скульптуры напоминали ворота старого замка с привидениями: красиво расположенные железные прутья бесконечно извивались без видимого порядка.

– Ничего нет, – категорично заявил Пьер.

Педагог Дон Каллис улыбнулся и нажал кнопку на коробке. Тут же под куполом закрылся поворачивающийся затвор, как объектив фотоаппарата, оставив в центре лишь тонкий столб света, который проходил через хрустальный стол. На светлом деревянном полу внизу появилась четкая тень.

– Символизм присутствует всегда, даже в самых случайных вещах, – говорит педагог. – Может ли кто-нибудь сказать мне, что обозначает этот символ?

– Сплюснутый круг с кривой чертой – это греческая буква *phi*, – с гордостью говорит Уиллис.

– И что этот символ представляет собой?

– Золотое сечение! – воскликнула Брисеида, вспомнив далекий урок математики.

– Хорошо! Золотое сечение, или божественная пропорция, является общим обозначением Вселенной. Она встречается в природных углах минералов, в спиральях моллюсков и улиток, в структуре растений и даже в человеке, что продемонстрировал Леонардо да Винчи. В результате этот символ тысячелетиями использовался в живописи, скульптуре, музыке и архитектуре для представления идеального баланса жизни. На протяжении веков золотое сечение было частью тайного учения в семьях или братствах. Величайшие религиозные сооружения были возведены именно таким образом, в полной тайне. Соборы, пирамиды... Тайна некоторых сооружений до сих пор никем не разгадана. За исключением, конечно, специалистов Цитадели, – добавил он с довольной улыбкой. – Цитадель была построена полностью с учетом золотого сечения. Вы найдете точные отсылки на это. Во время обеда посмотрите на свои вилки и оцените соотношение ручки и зубьев, вы увидите, что на них начертано золотое сечение.

Студенты обменялись восхищенными взглядами. Кристоф лихорадочно делал записи.

– Но золотое сечение – это лишь один символ из многих.

Педагог нажал на кнопку, затвор сдвинулся, и на полу появился еще один символ. Двенадцать лучей круга были начертаны лишь наполовину, образуя колесо без своей оси.

– Это циферблат часов, символ укрощения времени, – торжественно объявил он. – Осознание хода времени, а затем его деление и измерение были важнейшими этапами в эволюции человека. Пространство, *золотое сечение* и теория время, часы – неразделимы. Именно на них основывается гениальный ум.

Он нажал еще одну кнопку на своей коробке, и затвор раскрылся еще больше.

– Теперь снова посмотрите на купол. Если вы встанете точно в том же направлении, что и месяц Олсен, вы сможете увидеть фигуру. Я упрощу вам задачу: это дракон. С широко раскрытой пастью и полурасправленными крыльями, он опирается левой передней лапой на букву *phi*, а правой на часы. Вы видите, ведь так?

– Я вижу! – воскликнул Квентин, за ним последовали Аксель и Уиллис.

Бенджи со знанием дела хмыкнул. Брисеида уже собиралась прекратить поиски, когда наконец заметила два маленьких металлических шарика, похожих на два глаза, вставленных в две спирали, соединенные воедино. Дракон внезапно предстал перед ней во всей своей красе. Она икнула от удивления и поняла, почему не заметила этого раньше. Она ожидала увидеть приукрашенное изображение сказочного дракона. В нем же не было ничего прекрасного: он был страшен, ужасно агрессивен, с огромными клыками, острыми когтями, дьявольским хвостом... Вся разрушительная сила животного, казалось, была заключена в железных кружевах. От него мурашки побежали по коже.

– Черный дракон, представляет цвет мудрости и олицетворяет силу души. Его герб – золотой, символизирует знание. Молодые люди, перед вами герб Цитадели, – с гордостью сказал Дон Каллис.

Брисеида провела пальцами по своей одежде и золотым пуговицам с изображением дракона.

– И да, мадемуазель, случайностей здесь не бывает, – подтвердил профессор, приводя в действие еще один рычаг.

Затвор закрылся, и дракон исчез в сплетении кованого железа.

– Но почему дракон? – спросил заинтересованный Пьер.

– А! – загадочно сказал педагог. Он встал и пристально посмотрел на своих учеников. – Идите за мной, мы отправляемся на экскурсию.

– В числах есть символизм, не так ли? – спросил Кристоф, когда они собрались уходить.

– Особенно в числах!

– Если в этом месяце нас будет семь, а не восемь, как думаете, это о чем-нибудь говорит?

Педагог на мгновение задумался, и Бенджи впервые с начала занятия выглядел заинтересованным.

– Число семь, – заговорил педагог, – это количество цветов в радуге, количество нот в музыкальной гамме, количество дней в неделе, количество лет в каждой фазе жизни человека... Это символ свершения. Это очень хорошее число. Удивительно, почему вообще есть классы, в которых по восемь человек, – добавил он, подмигнув.

– А число шесть? – поинтересовалась Брисеида.

Возможно, она сможет отыскать в этом символе что-то, что оправдает ее уход? Педагог пытливо посмотрел на нее, и ей на мгновение показалось, что он угадал ее мысли. Но он быстро расслабился:

– Хорошая попытка, юная леди, но я не собираюсь оглашать вам весь список. Более подробно о символизме чисел вы узнаете сегодня днем, на лекции. Пойдемте, нам нельзя терять время.

Не успели они выйти в широкий коридор, как учитель пригласил их проследовать в узкий извилистый проход, освещенный только через маленькие ставни и расположенный в

нескольких метрах над землей. Дон Каллис уверенно шагал, несмотря на тусклый свет, поворачиваясь, чтобы продолжить лекцию на ходу.

– Как вы думаете, что является самым важным элементом, который следует за символом в создании цивилизации?

– Искусство? – предложил Квентин, указывая на одну из больших резных и позолоченных рам из цельного дерева, висящих на отсыревших стенах по обе стороны коридора.

Этих слов было достаточно, чтобы глаза педагога заблестели.

– Действительно, искусство, но не любое. А искусство повествования, искусство создания легенд! – воскликнул он, жестом указывая на великолепные портреты гибридных существ полулюдей-полуживотных, расположенных по всему пути следования.

Фантастические силуэты, возникающие из темноты холста, которые были крупнее, чем в жизни, фигуры; ужасно выразительные химеры, казалось, следили горящими глазами, как будто проход пробудил их от долгого сна. Кентавры, вставшие на задние ноги, русалки, сидящие на скале, крылатые существа или существа с козлиными ногами... Брисеида потеряла дар речи. До этого момента только портрет основателя больницы Рише мог вызвать у нее дрожь.

– Рассказ – это ближайший родственник символизма, – продолжает Дон Каллис. – Никогда не недооценивайте ни то, ни другое. Несколько строк на куске ткани объединяют людей под знаменем, но именно маленькая история дает им направление. Хорошая история подобна лекарству, подмешанному в мед, которое дают ребенку: ее поэзия успокаивает и занимает ваш ум, а глубокий смысл без труда проникает в подсознание. С самого раннего детства вам рассказывают сказки и легенды. На протяжении всего вашего воспитания, история за историей, ваши родители, учителя и средства массовой информации прививают вам моральный устав, который неосознанно формирует ваше мышление и вашу взрослую жизнь. Понятие добра и зла, ценность труда...

– И... это хорошо или плохо? – спросил Аксель.

– Сам по себе инструмент никогда не бывает хорошим или плохим. Решающим фактором будет то, в чьих руках он находится. Но если этот инструмент – молоток, то я всегда предпочту быть рукой, которая его держит, а не гвоздем, который от него страдает. Не так ли?

– Да... конечно.

– Будьте осторожны с выступлениями, вы можете упасть.

Брисеида думала, что слушает очередную нравоучительную лекцию, и чуть не врезалась в низкую перегородку, разделяющую коридор. Педагог едва успел поймать ее за руку. Низкая перегородка не ограничивалась уровнем пола, а тянулась вдоль стен и потолка.

– Они называются «окна», – объяснил педагог, перешагнув через невысокую перегородку, и продолжил свой путь. – В Цитадели их несколько, они рассредоточены по всей территории. Они были построены символически, чтобы напомнить вам, что вы лишь временные гости в крепости. Вам разрешается войти незаметно через окно, поскольку оно открыто, но вы не должны думать, что находитесь дома. В прошлом слишком много людей хотели завладеть этим местом. У Цитадели никогда не было и не должно быть другого хозяина, кроме Главы Цитадели... Вот мы и пришли! – объявил он, входя в небольшую круглую комнату, более темную, чем то помещение, где у них был урок.

Шесть огромных картин украшали грубую каменную стену.

– Драконы! – восторженно воскликнул Квентин.

– Как и символы, сказки и легенды имеют свою собственную жизнь, – проговорил Дон Каллис. – Похожие легенды возникают в головах рассказчиков, живущих в совершенно разных местах, и никто не знает почему. В частности, истории о драконах появляются по всему миру. Знаете ли вы, что нет ни одного народа, даже самого отдаленного, у которого не было бы своих легенд о драконах? Мы хотели бы представить их все здесь, но у нас не хватило бы места... Эти пять драконов представляют легенды пяти континентов. Посмотрите на восточного дракона, – сказал он, указав на изогнутое животное. – Часто он живет в реках, но время от времени поднимается из воды, чтобы вцепиться в облака и обрушить благодатный дождь. Там – западный дракон, тот самый, которого наши предки в Средние века так старались безуспешно прогнать...

Брисеида смотрела на расправленные крылья и мощные огнедышащие пасти чудовища.

– Но также есть драконы Африки, Океании, Америки.

Другие драконы имели довольно эксцентричные черты: рога буйвола, орлиные клювы, усики насекомых или даже черепаши панцири. За этими меняющимися формами всегда скрывалась чудовищная сила, присущая драконам.

– Повсеместная популярность позволила дракону занять место в гербе Цитадели, – пояснил педагог. – Он является и всегда был самым могущественным, почитаемым и пугающим мифологическим животным. На него возлагались самые важные задачи, будь то доставка воды, источника жизни, или охрана драгоценных сокровищ. Вполне логично, что ему было поручено охранять богатства Цитадели – абсолютные мерил пространства и времени, которыми являются *золотое сечение* и часы.

– А что на этой картине? – спросил Кристоф, указывая на последний холст.

На картине был изображен не один, а три дракона, летящих над величественным горным пейзажем, освещенным закатом. Два из них – один иссиня-черный с золотым гребнем, а другой ярко-красный с бордовыми бликами – находились лицом к лицу, вступив в ожесточенную схватку. Третий, лазурно-голубой с радужным гребнем, парил над двумя другими, словно судья в поединке.

– Такова легенда о Цитадели... – сказал педагог.

Все прекратили внимательно осматривать полотна, чтобы с интересом послушать педагога. Кроме Бенджи, конечно, который прислонился к стене и, казалось, был поглощен созерцанием картины, свисавшей с потолка.

– Легенда о Цитадели? – спросил Уиллис, желая узнать больше.

– Черный дракон, дракон Цитадели, несет в себе мудрость души. Напротив него красный дракон представляет неконтролируемые и разрушительные порывы нашей первобытной природы. На протяжении веков два дракона вели беспощадную битву, чтобы определить, какая из двух сил будет влиять на судьбу человеческой расы. Их почти равные сила и воля привели к тому, что борьба стала бесконечной. Синий дракон символизирует священный суд, вынесший решение в их нечестивой битве.

– И кто победил? – поинтересовался Пьер.

– Ну, легенда не рассказывает точно, – ответил педагог. – И борьба с необузданностью никогда не закончится. Но, как видите, дела в городе идут неплохо...

Брисеида приблизилась к картине, чтобы полюбоваться деталями. Она долго стояла неподвижно, отслеживая очертания величественных существ, представляя их движения, восхищаясь напряженностью сцены. Картина была настолько реалистичной, что ей

казалось, будто она чувствует на своем лице легкий ветерок, пробегающий по высокой траве на переднем плане, и что ей достаточно немного сосредоточиться, чтобы услышать свирепый рев гибридных рептилий... Казалось, что она могла бы войти в картину, просто слегка наклонившись вперед... Хриплый рев испугал ее.

Рука, лежащая на ее плече, потянула назад. Брисеида вскрикнула от удивления и резко повернулась, чтобы оказаться лицом к лицу с педагогом Доном Каллисом.

– Будьте осторожны, юная леди, – прошептал он, приблизившись к ее лицу, – некоторые картины обладают силой притягивать к себе того, кто смотрит на них слишком пристально...

Он загадочно пригладил свою козлиную бородку, подмигнул ей, а затем пошел по коридору. Остальные уже ушли.

– Пора, – снова сказал педагог, прежде чем раствориться в темноте.

На протяжении всего обеда, состоявшего из блюд кухни Юго-Восточной Европы – греческого салата, вкуснейшей болгарской мусаки, – Брисеида сосредоточилась на мысли, как лучше сообщить остальным о своих намерениях. Сначала она думала незаметно рассказать об этом педагогу, но он ускользнул, как только произнес последние слова своей лекции, оставив их на попечение стражника, который сам незамедлительно оставил их у столовой. Прошел час, а она все никак не могла решиться. Энтузиазм Уиллиса, когда он жестами описывал все приключения, которые им предстояло пережить вместе за эти девять месяцев, не способствовал делу.

– Мне нужно встретиться с администрацией школы до того, как я пойду на дневные занятия. Не ждите меня, я могу опоздать.

– Амфитеатр находится на охраняемой стороне Цитадели, – ответил Уиллис, с любопытством изучая ее. – Туда можно ходить только со стражником, опаздывать нельзя. К кому ты хочешь пойти? К мастеру?

– Если он главный, то да. Мне обязательно нужно связаться с семьей.

– Разве Дориан не сказал тебе, что твою семью известят?

– Да, но... Перед моим приездом сюда произошло кое-что странное, и...

– Нам всем пришлось многое пережить, прежде чем мы оказались здесь, – заметил Бенджи, впервые с начала трапезы удостоив ее взглядом.

– Дело в том, что в моей семье довольно сложные отношения и...

– В наших семьях тоже не все так просто.

– А вот мне так не кажется, – сухо ответила Брисеида.

– В Цитадели действуют очень конкретные правила относительно общения с внешним миром, – дипломатично вмешался Уиллис. – Даже если мастер согласится встретиться с тобой, он не разрешит тебе позвонить родителям.

– Но, возможно, он сможет ответить на мои вопросы.

– На какие вопросы?

Брисеида не была уверена... Но реакция стражника Дориана, когда после прибытия она упомянула о своем отце и аппарате МРТ, несколько охладила ее пыл. Как она могла узнать, кого можно спросить, не поставив под угрозу план отца? Конечно, доказательств того, что у отца действительно был план, не было, но она выздоровела, как он и обещал... А ведь папа предупреждал ее, что ей придется подождать, чтобы убедиться в действенности плана лично, что иначе она не сможет его понять... И надо признать, что, если бы он рассказал ей о Цитадели, она бы никогда ему не поверила.

– Если никто не рассказал тебе о прибытии сюда, значит, не имел на это права, – продолжал Уиллис. – Единственный способ узнать больше о своей семье – вернуться домой. Неужели ты этого хочешь? Ведь не хочешь?

Если отец организовал ее прибытие в Цитадель, не поступит ли она глупо, если уедет только для того, чтобы удостовериться в этом?

– Моя мама, наверное, очень волнуется, – нерешительно рассуждала она.

– Она получит письмо, – говорит Уиллис, пожимая плечами. – Все под контролем.

– Как будто подобное успокоит мою маму!

– Письмо официальное.

– Ты, видно, никогда не встречался с моей мамой, – настаивала Брисеида.

– Но, оставаясь здесь, ты никого не подвергаешь опасности, – заметил Бенджи, улыбаясь.

Казалось, он был единственным, кто относился к ее сомнениям спокойно. Как будто он мог заглянуть в сердце Брисеиды, как будто он уже разглядел то, что она все еще отказывалась признать. Он наклонился к ней, его улыбка была слишком широкой, чтобы быть доброй, и невыносимо высокомерной.

– Неужели ради того, чтобы избавить свою мать от нескольких минут стресса, ты откажешься от столь захватывающих открытий, вернешься к своей никчемной повседневной жизни?

– Ты ничего не знаешь о моей жизни. Не все такие эгоисты, как ты.

– Ошибаешься. Мы все большие эгоисты и любопытные людишки.

– Значит, ты хочешь уйти, – с досадой сказал Уиллис.

– Я этого не говорила... Мне нужно подумать.

Бенджи одобритительно кивнул:

– Если дело срочное, то можно отправить им письмо. Просто убедись, что его прочитают перед отправкой. Не рассказывай ничего о Цитадели, иначе они не отправят его. Адрес писать не нужно, они точно знают, где ты живешь. Если повезет, получишь ответ в течение ближайших двух недель.

Брисеида не знала, радоваться ли этой новости или сердиться на Бенджи. Он мог бы сказать ей об этом с самого начала. Он намеренно заставлял ее нервничать.

– Почему ты так уверен в себе? Возможно, мы все эгоисты, но похоже, что тебя не очень-то интересовало происходящее с самого начала. Сегодня утром ты почти не слушал лекцию педагога.

Колокол, расположенный возле больших дверей, возвестил о сборе.

– Какая жалость, – вздохнул Бенджи, положив на стол расшитую полотняную салфетку, – я бы с удовольствием продолжил этот разговор. Надеюсь, мадемуазель, что вы

будете настолько любезны, что сможете остаться с нами сегодня?

Их провели в роскошный гигантский амфитеатр, соответствующий масштабам Цитадели. Непрерывный поток студентов в ярко-синей форме устремился внутрь через боковые арки, вдоль головокружительных темных деревянных ярусов, возвышающихся над полукруглой сценой. Волнение было осязаемым. Люди искали свои места в шумной и взволнованной атмосфере. Брисеида устроилась со своей группой на скамейке на середине подъема. Далеко внизу человек в серебряной мантии уже вышагивал по сцене. С такого расстояния она едва могла разобрать черты его лица. Держа в руке микрофон, он, казалось, обращался к собравшимся, но Брисеида ничего не слышала.

– Что он говорит? – спросила она Бенджи, сидящего справа от нее.

Шум был настолько громким, что она едва слышала свой собственный голос. Бенджи просто указал на гарнитуру на полке перед ней. Она надела наушники на уши. Шум в комнате утих, и отчетливо прозвучал голос пожилого мужчины. Но она не сумела определить язык, на котором говорил выступающий. Она отчаянно замахала рукой на Бенджи, который закатил глаза и показал маленькое колесико рулетки, вделанное в дерево под полкой. Он пролистал список на маленьком экране, пока не дошел до слова «французский». Тут же монотонный голос автоматически зазвучал в ее наушниках:

– ...и будьте осторожны с тем, что вы делаете. Спикер Гесп Ю Наэ приветствует вас и рад встрече. Мы будем говорить о символизме с вами в дни, предшествующие последующим. Спикер Гесп рассказывает вам от категорий до символизма. Важно в истории всегда находить символы жизни или смерти. Пример: свет солнца освещает тысячу огней извлечения жизни из смерти. Всестороннее отслеживание каждого языка по странам и культурам...

– Это по-французски? – встревожилась Брисеида.

Шум в помещении утих. Бенджи услышал ее и подмигнул:

– Привыкнешь...

Спикер выступал непрерывно в течение четырех часов. Он даже не остановился, чтобы выпить стакан воды. Откуда у него столько энергии? Брисеида не могла поверить в подобное. У нее так и не получилось привыкнуть к отрывистому французскому языку автоматического переводчика и только благодаря напряженной концентрации смогла уловить основные моменты лекции. Когда мужчина наконец замолчал, пронзительный звук объявил, что они могут снять наушники. Шум учеников, встающих, чтобы выйти из класса, оглушил Брисеиду. Ее голова гудела, она чувствовала себя истощенной.

– Черт, было трудно, – присвистнул Квентин, как только восстановилась относительная тишина во внутреннем дворе огромного сада рядом со столовой, залитом лучами заката.

Бенджи поднял бровь:

– Никто и не говорил, что будет легко. Иначе бы все дотянули до девятого месяца.

Квентин медленно кивнул:

– Однако, это не очевидно.

Обессиленные, они опустились на траву возле центрального фонтана, в котором плескались три каменных гнома.

– Сегодня спикер говорил на языке, который сильно отличается от французского. Но спикеры часто меняются, и если язык близок к французскому, то затрудненное понимание

проходит само собой. Паниковать не из-за чего.

– Откуда ты знаешь, Бенджи? – спросил Уиллис. – Я был с тобой вчера утром и ничего подобного не слышал.

– Да, а потом мы хотели бы узнать, что имел в виду Дон Каллис сегодня утром, – добавил Пьер. – «Кто может сказать мне, что мы будем изучать сегодня, кроме месье Бенджи Лоренца, *конечно?*» Ты что-то скрываешь от нас.

– Мне было просто немного любопытно, – ответил Бенджи.

Он лег на траву, скрестив руки за головой, и закрыл глаза, чтобы насладиться лучами полуденного солнца.

– То есть? – сказал Кристоф, не выдержав. Бенджи мгновение изучал его, прежде чем ответить:

– Я из предыдущего месяца.

– Что? – задохнулся Уиллис.

Брисеида подозревала об этом. Но реакция Уиллиса заставила ее по-новому взглянуть на ситуацию: их и без того небольшая группа унаследовала не только девушку, но и плохого игрока.

– Все, что вы узнаете в этом месяце, я уже знаю. Но я знаю гораздо больше, потому что я не просто приходил на занятия. Я хотел сам открыть для себя тайны Цитадели. У меня вошло в привычку проскальзывать в коридоры по вечерам, просто чтобы немного прогуляться...

– Именно это нам запретил делать Дон Каллис! – воскликнул Аксель, его глаза расширились.

– Да, и теперь мы знаем, почему он был так настойчив, – сокрушенно вздохнул Уиллис.

– То, что я делал, не каждому под силу, – продолжал Бенджи отстраненно, не в силах скрыть нотку гордости. – Но у меня есть некое шестое чувство, которое направляет меня искать Великую Тайну...

– Что за Великая Тайна? – спросил Аксель, внимая каждому его слову. Бенджи не обратил на него никакого внимания.

– Ну, я много чего повидал, пока меня не заметили и не провалили при очередном повышении.

– А сейчас ты *значительно* продвинулся вперед, – подколот Уиллис.

Бенджи посмотрел на него и сказал фальшиво дружелюбным голосом:

– Не груби, не говори о том, чего не знаешь. На самом деле ты не сможешь представить и десятой доли того, что я там увидел.

Улыбка Уиллиса потускнела:

– Просто расскажи нам, что ты видел, если уж все было столь необычно.

– Нет, я не могу, – непреклонно ответил Бенджи.

– И почему же?

– Во-первых, потому что я рискую быть исключенным навсегда, во-вторых, потому что вы также рискуете потерять месяц, и, в-третьих, потому что я очень сомневаюсь, что вы мне поверите.

Выражение его лица в этот момент настолько напоминало выражение лица Люсьена, что у Брисеиды побежали мурашки по коже. Ее отец не лгал, когда говорил подобные слова. Что мог обнаружить Бенджи?

– Итак, ты нашел эту *Великую Тайну*?

– Скажем так, я прояснил для себя немало сложных моментов, – сказал Бенджи, не глядя

на нее. – Но трудно узнать больше: я думаю, что даже педагоги и спикеры не знают всего. Только мастера-распорядители и Глава Цитадели знают Великую Тайну.

– Кто это такие? – сказал Кристоф в замешательстве.

– Мастера-распорядители заправляют Цитаделью, а Глава Цитадели контролирует мастеров, – напомнил Уиллис.

– А кто рассказал тебе, что есть тайна, Бенджи? – спросил Пьер.

– Как вы думаете, почему внутри Цитадель так защищена?

– Педагог объяснил почему, – возразил Аксель.

– Да, я знаю, – сказал Бенджи, качая головой. – «Вы скоро получите ответы на ваши вопросы». Глупости все это. Я не могу объяснить почему, но я знаю, что это неправда.

С минуту он наблюдал за ними, изучая их реакцию. Группа молча смотрела на него, не зная, что и думать. Похоже, ему подобное не понравилось, так как он вскочил на ноги и воскликнул:

– Да и вообще, мне все равно, верите вы мне или нет. Делайте что хотите!

Он сделал вид, что уходит, но обернулся.

– Кстати, будет турнир, – сказал он, опускаясь обратно в траву. – Так принято, когда появляется новая партия студентов. Им нравится хвастаться нами...

– Бенджи, старина! Ты снова в игре? – Обернувшись, Брисеида увидела, что к ним приближаются два парня.

– Рауль, Хьюго, вы в порядке? – сказал Бенджи, отвечая на теплое рукопожатие новоприбывших.

– Нормально... Вот черт, это твоя новая команда? – сказал Рауль, лучезарно улыбаясь Брисеиде.

– В этом месяце группа смешанная, – поделился Бенджи.

– Ну, старик, если бы я знал, я бы не побоялся бродить с тобой по коридорам... Только не говори мне, что ты сделал это нарочно! Может, именно шестое чувство подсказывало тебе будущее? Он уже рассказал вам о своем шестом...

– Это Рауль, второй месяц, – раздраженно оборвал его Бенджи.

– Ха-ха! Остынь, старик, раз уж нельзя повеселиться!

– Мы не должны разговаривать с учениками второго месяца... – заметил Уиллис.

– Расслабься, я не смогу сказать тебе ничего выдающегося после всего лишь одного дня. Кроме того, Бенджи расскажет вам, что знает гораздо больше, чем группы третьего месяца, так что... не стоит лишать себя небольшой женской компании.

Он подмигнул Брисеиде, на что она не знала, как реагировать, опешив.

– Брисеида здесь не единственная девушка, – заметил Кристоф.

Рауль поморщился:

– Их несколько, но пойдите и поговорите с польской девочкой о вчерашнем занятии! Я пытался. Вы знаете, что она говорит?

Они пожали плечами.

– Я тоже ничего не понял из того, что она сказала... – Парни разразились хохотом.

– Девушки, – прокомментировал Бенджи, – в большей степени не создают ничего, кроме беспорядка. Было бы лучше, если бы их вообще не было.

– Или можно просто смириться с присутствием девушек, – ответила Брисеида. – По крайней мере, тогда можно рассчитывать на тишину и покой, учитывая наше количество.

– Она права, – рассмеялся Рауль, одарив их своей широкой улыбкой.

– Но я не вижу здесь ни азиатов, ни африканцев, – продолжила Брисеида. – Я думала, здесь есть представители всех национальностей.

– Так и есть, – сказал Рауль, устраиваясь поудобнее на траве. – Но они не могут разместить всех на одной территории. Для каждого континента есть свое пространство, оформленное в соответствии с его стилем.

– И все они тоже настолько мизогинные?

– Хороший вопрос. Может, ты пойдешь и узнаешь, Брисеида?

– Бенджи, хватит! – перебил Уиллис. – Мы – команда, нравится нам это или нет, и мы должны держаться вместе.

– Будьте умнее! Посмотрим, будете ли вы по-прежнему чувствовать то же самое после прохождения турнира.

– Сегодня – первый турнир месяца, – сказал Хьюго. Бенджи кивнул в знак согласия:

– Может быть, все получится. У Бельгии, Эстонии и Греции – восемь учеников. Очевидно, что они не столь хороши, как французы, но вы же не можете всегда побеждать.

– Проблема в том, что мы вряд ли победим в течение еще долгого времени, – мрачно сказал Рауль. – Результаты этого месяца удручающие, в следующем они будут не намного лучше, и мы уже...

– Мы выбываем из игры, даже не начав ее, – добавил Бенджи.

– Не могли бы вы объяснить все нам? – вмешался Уиллис с досадой в голосе. – Ребусы – не моя специализация.

Рауль взял дело в свои руки:

– Турнир – это игра, которая позволяет студентам разных национальностей лучше узнать друг друга. Три выпускных класса соревнуются в начале месяца на каждом континенте, а в середине месяца проводится мировой финал. В прошлом месяце выиграли французы, – сказал он, гордо выпятив грудь. – Но для того, чтобы попасть в финал, нужно быть на девятом месяце обучения с командой из восьми человек. Иначе шансы на победу слишком малы.

– Я не думаю, что для семерых это невозможно, – возразил Бенджи. – У вас еще есть шанс.

– Ты так говоришь, потому что подвел нас, бросил на произвол судьбы и сейчас просто хочешь успокоить свою совесть.

– Вовсе нет, я искренне верю, что вы можете победить.

– Может быть... Но удача явно не на нашей стороне: Арманд и Самуэль никогда не дотянут до девятого месяца. С другой стороны, у вас, друзья мои, может быть шанс. Особенно с Бенджи. Этот парень обладает невероятной выносливостью, воспользуйтесь этим.

Бенджи отмахнулся от его похвалы скучающим жестом:

– Нет, с девушкой нас, можно считать, шесть с половиной, поэтому ничего не получится.

Брисеида икнула и оглянулась, чтобы посмотреть, не защитит ли ее кто-нибудь, но никто не отреагировал.

– И с чего ты взял, будто во мне хороша только одна половина? В чем твоя фишка, в соревнованиях со штангой?

– За этой игрой стоит легенда, – вмешался Хьюго. – Легенда, которая веками окутывала стены Цитадели и продолжает наводить ужас на периферийных техников.

– На кого? – прервал Аксель его.

– Периферийные техники, «подручные» Цитадели, – пояснил Уиллис. – Мы называем их периферийными, потому что они никогда не входят в Цитадель, они остаются в нижнем городе, в отличие от внутренних техников.

– Легенда гласит, – продолжал Хьюго, – что Цитадель не всегда была изолирована от мира. Было время, когда на земле царил мир и знания распространялись свободно. Люди поровну делили свой труд и обрабатывали землю, чтобы всем хватало еды. Все занимались искусством и наукой, жизнь была приятной, а города процветали. Настоящий рай. Но однажды король, правивший Нижними землями, пришел к Великому Судье, чтобы пожаловаться, что из-за его грехов никто не приходит к нему в гости и что ему и его армии демонов ужасно одиноко. Великий Мировой Судья сжалился над ним. И поскольку он был добрым и немного наивным, то позволил царю прийти и погулять один день по Верхней земле. Если бы у него получилось убедить некоторых людей последовать за ним, он мог бы забрать их с собой.

Но у короля были другие планы. Он вызвал армию демонов, как только прибыл на землю, и уничтожил людей, которые не знали, как защитить себя, поскольку всегда жили в мире. Гордый своей победой, король провозгласил себя императором. Знания, которые были ему непонятны, он хранил в Цитадели, вокруг которой построил стену, чтобы мир забыл о них. А чтобы его новый народ оставался в неведении, он расставил вокруг Цитадели своих самых преданных и сильных воинов: страшных темных всадников, еще более жестоких, чем их хозяева. Всадники день и ночь рыскали перед великой стеной, готовые при малейшей возможности обнажить мечи и перерезать горло безрассудному, попытавшемуся войти в Цитадель. Ведь для поддержания жизни Цитадели внутри была заперта группа жителей деревни. Осознавая важность своей работы, они смирились с пленным существованием и терпели постоянные нападки черных всадников, не говоря ни слова.

Пока однажды маленькому мальчику, который всегда мечтал путешествовать по миру, не удалось сбежать. Он был настолько мал, что ему удалось проскользнуть сквозь заросли, оставаясь незаметным для всадников. Когда его пропажу обнаружили, император пришел в ярость и в отместку казнил десять человек, включая отца мальчика, а всадников, которые не справились со своей работой, отослал прочь. Но они были довольно обидчивыми, не смогли вынести оскорбления: они отрубили императору голову и вернулись на свой пост. Всю свою жизнь демоны яростно охраняли Цитадель, их сердца были полны ярости. Их унижение стало таким сильным, что даже смерть не могла заставить их отказаться от своей миссии. Некоторые говорят, что они все еще здесь, и именно поэтому тайна существования Цитадели по-прежнему не раскрыта.

– Всадники, более злобные, чем сам дьявол, отрубили голову императору, а их призраки до сих пор охраняют Цитадель? Не очень веселая легенда.

– Но благодаря храбрости мальчика некоторые знания теперь доступны всему миру. В память о нем создан турнир, цель которого – успешно помешать бдительности черных всадников, чтобы передать знания за пределы Цитадели. Вы должны быть остроумными, применять тактику и действовать смело. Это прежде всего турнир, и чем больше игроков, тем выше шансы на успех.

– Я не вижу ничего, чего бы не смогла сделать девушка, – решительным тоном сказал Брисеида.

– Подожди, и посмотрим, как все сложится на самом деле, – ответил Бенджи с насмешливой улыбкой. – Я могу сказать, что эти парни – не ягнята.

Уиллис положил свою руку на руку Брисеиды, прежде чем она успела ответить.
– Оставьте его наедине с его глупостями, он того не стоит.

Когда наступила ночь, их вместе с другими студентами провели по темным коридорам на открытый стадион, где проводился турнир. Место было похоже на огромную римскую арену. Трибуны из известняка окружали большой диск грунта, в центре которого стояли три деревянные башни, освещенные мощными прожекторами. Стражники суетливо расхаживали по большим лестницам трибун, изо всех сил сдерживая непрерывный поток студентов в ярко-синей форме, хлынувший на стадион.

– Стадион может вместить всех студентов Цитадели, – сказал Рауль на ухо Брисеиды, чтобы она его услышала, несмотря на нарастающий шум. – Более ста тысяч человек. Через две недели тут яблоку негде будет упасть!

– Невероятно! – поражено сказала она. – Стадион настолько велик, что кажется, будто Цитадель не имеет границ...

– Примерно так и есть, – ответил Рауль, подмигнув, а затем продолжил: – Европа первой соревнуется за звание чемпиона месяца, поскольку в прошлом месяце благодаря Франции стала победителем. Давай сядем здесь. Чтобы насладиться игрой, нужно находиться на уровне наблюдательных башен: сядем слишком высоко – будет плохо видно игроков, а слишком низко – плохой обзор, который нужен, чтобы понять суть стратегических маневров.

– Каких стратегических маневров?

– Внимательно посмотри на землю между тремя башнями.

Брисеида осмотрела грунт, залитый ослепительным белым светом.

– На земле что-то нарисовано!

– Это большой треугольник, соединяющий три башни, каждая сторона которого более ста пятидесяти метров. В треугольнике находятся три квадратные сетки, в которых размещены головоломки, – подтвердил Рауль.

Кристоф и Уиллис, сидевшие по другую сторону от Брисеиды, наклонились, чтобы послушать.

– Каждая команда должна заполнить свою сетку как можно быстрее. Побеждает тот, кто финиширует первым. Два члена каждой команды стоят на наблюдательном пункте на вершине своей башни. Один из них отвечает за разгадывание головоломки, для краткости их называют «головоломщики». Я знаю, звучит глупо, но вот так... Другой участник должен

направить игроков в соответствующие ячейки, чтобы те записали ответ.

– И вы называете их посланниками?

– Вестниками. Головоломщики и вестники ведут игру. На протяжении всей игры хранители, изображающие темных всадников, патрулируют внешнюю сторону треугольника. Они могут войти в треугольник в любой момент и начать преследовать участников турнира, чтобы уничтожить их.

Брисеида взглянула на дорожку, с которой техники торопливо уходили после того, как разлили жидкость по трем сеткам и контуру треугольника.

– Сложность заключается в том, что хранители очень быстрые и игроки могут увидеть их приближение только в последний момент.

– Почему?

Рауль улыбнулся ей, затем его лицо исчезло, поглощенное внезапной темнотой. Из толпы раздались одобрительные возгласы.

– Вот по этой причине! – воскликнул Рауль в темноте.

– Эй! Рауль! – крикнул парень из второго месяца, стоявший позади них. – Не пользуйся сложившейся ситуацией, мы следим за тобой!

– Заткнись, Льюс, ты просто завидуешь, это же очевидно! Не слушай их, – снова извинился Рауль, когда за их спинами раздался смех. – На самом деле они еще такие дети.

– Что...

Брисеида не успела договорить: мужчина, несущий факел, только что поджег треугольник, и все студенты поднялись, крича и аплодируя. Три гигантские стены пламени теперь соединяли три башни, разграничивая игровое поле.

Из громкоговорителя донесся глубокий голос:

– Дамы и господа, поприветствуйте три наши отважные команды европейского турнира: Бельгию, Грецию и Эстонию!

Восторженные крики усилились, когда три фургона въехали на арену.

– Тот, кто несет факел, является вестником! – выкрикнул Рауль. – Он приходит, чтобы передать весть света. Довольно символично, как тут принято говорить...

Расположившись на жестяных крышах фургонов, на которых крепились перекладины, каждая команда поддерживала своего вестника, гордо стоявшего с факелом в руках. Игроки были облачены в белое, а цвета их стран были нанесены на торсы и спины, как военная краска. Участники отвечали на крики толпы поднятием кулаков. Машины остановились у подножия башен, и факелоносцы поднялись на вершину под бой барабанов, каждый в сопровождении своего головоломщика. Остальные игроки пробирались под башнями, чтобы попасть в огненный треугольник, избегая пламени, которое доходило им до плеч. Затем машины уехали, а все заняли свои места на поле.

– Хранителям разрешено нападать на игроков только тогда, когда они находятся внутри своей сетки с головоломкой, – объяснил Рауль. – У каждого своя тактика, которая позволяет провести как можно меньше времени в «квадрате смерти», как они его называют. Видите эстонцев слева? Они известны своими массовыми нападениями. Эти парни предпочитают рассредоточиться вокруг своей сетки: это менее опасно, но и менее эффективно. Большинство других команд предпочитают разделить задачи: два участника следят за приближением хранителей, еще один находится у подножия башни и передает приказы головоломщиков. Таким образом, остаются только три игрока – самые быстрые в команде, которые пытаются попасть внутрь сетки и записать ответы. Такую тактику, похоже, взяли на

вооружение Греция и Бельгия. Посмотрите на головоломщиков! Они вот-вот начнут игру!

С трибуны шесть маленьких фигурок выглядели хрупкими, как светлячки. Барабанная дробь смолкла, затем из громкоговорителей раздалось:

– Дамы и господа, я объявляю европейский турнир открытым. Да будет вам известно: «Сила в душе!»

Снова загремели барабаны. Три факелоносца опустили свои факелы на три веревки, которые вспыхнули, позволяя трем струям света мягко скользнуть к подножию каждой башни. Через несколько мгновений три квадратные сетки также загорелись. В каждой из них появилась восемьдесят одна клетка, в семнадцати из которых находилась пылающая цифра размером более четырех метров.

– Черт! – кричал Рауль. – Им не позавидуешь! Эти сетки невозможно заполнить!

– Судоку? – недоверчиво воскликнул Кристоф.

– Практически! И не просто судоку! Чтобы решить что-то подобное без ручки и бумаги, требуются месяцы практики. Все в голове, вы это понимаете? У них нет права на ошибку!

– Простая числовая игра, но с бесконечными игровыми сложностями, вполне подходит для международного турнира, – признал Уиллис, когда Кристоф напомнил Квентину о правилах, который был явно немного озадачен:

– ...Девять арабских цифр должны занять свое место в каждой клетке по горизонтали и вертикали, а также внутри маленьких квадратов, но при этом цифры не должны повторяться...

– Все, они начинают! – крикнул Рауль, его голос был едва слышен из-за рева возбужденной толпы. – Вот, Брисеида, посмотри в бинокль.

Греческие головоломщики запустили своих первых игроков. Брисеида с радостью взяла бинокль и обратила внимание на их вестника, который делал ряд сложных жестов, чтобы его поняли. Казалось, он уже вспотел, несомненно, от близости большого пламени своего факела, который он держал в руках, чтобы бегущие могли его хорошо видеть. Он был очень красивым, сосредоточенным в своем безмолвном танце, его светлые волосы били по лицу при каждом движении, как у молодого дирижера в транс. Внизу греческие бегуны входили в свой второй номер. Они ходили парами: один держал маленькую бутылочку с пульверизатором, чтобы нарисовать число, а второй поджигал его длинной зажигалкой. В дальнейшем эстонцы также начали выходить на поле. Они все бежали, хотя писать могли только два игрока одновременно.

– Таковы правила, – пояснил Рауль. – Они могут рисковать сколь угодно большим количеством игроков на поле, чтобы создать диверсию, но у каждой команды есть только один баллончик и одна зажигалка.

Наблюдая за бельгийской командой, которая теперь тоже пришла в движение, Брисеида вдруг заметила, что участники выглядят напряженными. Постоянно прыгая, они выбивались из сил, казалось бы, делая ненужные рывки, чтобы как можно быстрее выбраться из смертельной ловушки.

– Бельгийцы запаниковали, – со знанием дела сказал Рауль. – Плохо, долго они не протянут.

– Но почему? – спросила Брисеида. – Рядом с ними нет храни... – Она остановилась: ей показалось, что она увидела тень вдоль одного из огненных барьеров. Девушка прищурилась.

– Они здесь! – возбужденно сказал Рауль. – Они вот-вот войдут! Будет больно!

Брисеида осмотрела темноту за стенами огня, как и игроки, отвечающие за наблюдение,

которые старались всматриваться сильнее, чувствуя, что момент настал...

Из пламени перед возбужденной толпой возникла черная фигура и устремилась прямо в сторону бельгийского судоку. Прошло несколько секунд, прежде чем Брисеида поняла, что скрывается под массой ткани, развевающейся на ветру.

– Но... он верхом на лошади! – воскликнула она.

Всадник в капюшоне направил свое тяжелое копьё на одного из участников скачки, как средневековый рыцарь, но промахнулся, и черный зверь, мчавшийся на полной скорости, снова пронесся сквозь пламя и исчез в ночи.

– Ты много знаешь всадников без лошадей? Я же говорил тебе, что хранители представляют темных всадников.

– Но я думала, что в переносном смысле! – сказала озадаченная Брисеида.

– Плохо думаешь, – ответил Рауль. – Здесь мы не делаем ничего наполовину. Всадники быстры, но и у них есть недостаток: им не разрешается снижать скорость внутри поля. И для таких зверей трудно сменить курс, мчась на полной скорости.

Уже двое эстонцев прорвались через ворота смерти. Они не прошли и двадцати метров, как снова появился черный всадник, его копьё было направлено на них.

– Он же не собирается их проткнуть? – крикнула Брисеида, чувствуя, что на этот раз хранитель попадет в цель. – Они его не увидели!

Всадник находился всего в нескольких метрах от них, а участники, занятые обозначением фигуры, еще не сделали ничего, чтобы уйти с его пути. Столкновение казалось неизбежным. В последнюю секунду двое эстонцев бросились под копыта лошади, которая перепрыгнула их, чтобы уклониться. Подгоняемый импульсом, черный зверь набросился на третьего эстонца, только что вошедшего в сетку через центр треугольника, и он, казалось, не хотел ничего другого, кроме как быть растоптанным мускулистым монстром.

– Да он сумасшедший! Что он делает?

Первые два игрока еще катались в пыли, чтобы погасить пламя на своих одеждах, которых коснулась огненная фигура, когда третий игрок уже вернулся к своей тактике, растянувшись у ног лошади за долю секунды до того, как копьё всадника достигло его. Лошадь снова встала на дыбы и, как пушечное ядро, помчалась прямо вперед, в сторону бельгийского судоку.

– Эстонец нарочно так поступил, чтобы перенаправить хранителя! – воскликнул Рауль, внезапно разгадав тактический ход.

В мгновение ока всадник достиг бельгийского игрока, который был занят поджиганием фигуры, только что нарисованной его спутником. Он вонзил свое черное копьё между лопатками бедного игрока, и тот рухнул под крики ликующей толпы. Лошадь исчезла сквозь стену пламени, оставив бельгийца распростертым на земле с большим красным пятном на спине.

– Вот что я называю чертовски хорошей тактикой!

– Он убил его! – закричала Брисеида, ее горло сдавило. – Он убил его!

– Нет, он просто пометил его! – рассмеялся Рауль. – Вы, девочки, можете быть такими драматичными! Но не все так хорошо, это точно... Взгляни на него, бедняга!

Выбывший игрок с трудом поднялся на ноги. Он не спешил выбираться из квадрата смерти, волоча ноги, пока бельгийские бегуны вокруг него продолжали свой танец, кружась на дорожке, как угольки.

– Теперь я могу получить свою руку обратно?

Брисеида быстро отпустила ладонь Рауля, который смотрел на нее с очаровательной улыбкой.

Остальная часть игры была такой же напряженной. Чем больше игроки пытались избежать яростных зверей, тем больше всадники усиливали свои атаки. Брисеида пожалела, что умничала в присутствии Бенджи. Неужели от нее ожидали, что она будет кататься в пыли между пламенем и копытами лошадей?

– Какая замечательная игра, – прокомментировал Рауль, когда по громкоговорителю объявили предварительные результаты: сорок четыре номера пропущено у Бельгии, сорок семь у Греции и тридцать восемь у Эстонии. – Посмотрите на эти ячейки – просто чудо! Если бы только у меня было где записать, я бы переписал их и попытался решить позже...

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4it>

notes

Я не говорю на вашем языке.

Англичане третьего месяца, сюда, пожалуйста!